

Виктор Дрожжин

Кубанский хмель

Мюзикл

Виктор Дрожжин

Кубанский хмель. Мюзикл

«Издательские решения»

Дрожжин В. В.

Кубанский хмель. Мюзикл / В. В. Дрожжин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856743-8

«Кубанский хмель» — это весёлая музыкальная история о молодых талантливых влюблённых, кубанских казаках — музыкантах и нечистой силе, которая есть наркобизнес.

ISBN 978-5-44-856743-8

© Дрожжин В. В.
© Издательские решения

Кубанский хмель Мюзикл

Виктор Васильевич Дрожжин

© Виктор Васильевич Дрожжин, 2017

ISBN 978-5-4485-6743-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

«Кавказские пленительницы».

Май. День реабилитации казачества России. Краснодар. Праздничное шествие. Красная улица. Здание администрации края. Напротив, почти на другой стороне улицы, Кубанский казачий духовой оркестр. За ним, на возвышении Кубанский казачий хор, совместно исполняют марш – песню «Дар Екатерины». Под звуки марша парадным строем, печатая шаг, стараясь держать шеренги ровными, проходят сотни казаков Кубанского казачьего войска. Малиновые черкески, чёрные и белые папахи бараньей шерсти, кубанки, кинжалы и гёзыри, до блеска начищенные сапоги. Всё это создаёт восхитительную атмосферу праздничного торжества и ликования. Двадцать лет назад, было реабилитировано казачество России. В том числе и кубанское. Ранее оскорблённое, почти истреблённое, но не унизившееся. Рухнувшее, но не павшее. Гордо держа равнение и шаг, казаки на ходу пели их песню:

Равняя строй казачества полки
По Красной улице, идут чеканя шаг.
Остры как штык булатные клинки,
И, плещет на ветру, в руках, кубанский стяг.
Кубань, ты видишь вольными,
Сынов своих ряды.
Поля, как ширь раздольные,
Вновь слышат песни молодых.
Золотом, в выси блещут купола,
Отражая утра, солнца, дерзкий жар.
Грозный взор, гордо, российского орла
Вовек хранит бесценный дар,
Священный дар Екатерины
Оплот казачий Краснодар.
Сердечный дар Екатерины
Красу и доблесть, Краснодар.
Кубань, ты помнишь горькие года
По хуторам твоим стелился чёрный дым,
И, память нанизала навсегда
Свои жемчужины на нить тугой беды.
Но, как и прежде, исстари
Край хлебный полон сил.
Среди невзгод он выстоял,
Хоть тягот горестных и не забыл.

Садов твоих весенний буйный цвет
Плывёт по городу кипеньем лебедей,
Роня пухом свой волшебный свет
На скверы города и на людей.
Небес лазурным пологом
Окутан город мой.
В тебя влюблён, я, смолоду
Навек мне близкий и родной.
Равня строй казачества полки
По Красной улице идут, чеканя шаг,
Слепят глаза булатные клинки
И, плещет на ветру, в руках российский флаг.
Стоишь несокрушимо град
На страже мирных дней,
Хвала тебе, Кубани – слава
Дозору русских рубежей.

По обеим сторонам главной улицы города, Красной, плотной массой толпились празднично одетые краснодарцы и с восхищением взирали на проходившие мимо них казачьи колонны. Почти у каждого зрителя в руках был либо фотоаппарат, либо видеокамера «хэнди кам». На той стороне улицы, где располагались и Кубанский духовой оркестр, и Кубанский казачий хор, молодой мужчина, наверное, телеоператор местного ТВ, неотрывно снимал профессиональной видеокамерой не шествующую казачью колонну, а зрителей противоположной стороны улицы. Объектив его видеокамеры, плавно панорамируя по шеренге первого ряда зрителей, остановился и вывел на крупный план два милых девичьих личика, которые что – то оживленно и пытливо высматривая, обращены были к приближающейся колонне марширующих казаков.

Голубоглазая шатенка и синеглазая русоволосая девицы, улыбаясь и возбуждённо переговариваясь, друг с другом, неотрывно смотрели в одну и ту же сторону. На приближающиеся шеренги казачьих рядов.

– Смотри Тома, смотри. Твой и мой деды, – знаменосцы, – щебетала одна другой.

– Вижу, Томуся, вижу, – отвечала ей русоволосая подруга.

– Правда, красивые? – не унималась первая.

– Правда. Особенно усы и кинжалы, – с улыбкой отвечала ей вторая.

– А, черкески? – с лёгкой досадой переспросила первая.

– И, черкески, и папахи, и сапоги, и сами деды наши, всё красиво, – душевно ответила ей подруга, – Пошли, а то хоть они и деды, а раствориться могут как молодые партизаны. Что мы тогда скажем нашим бабулечкам? – ответила вторая, и они пошли прямо перед зрителями, в том направлении куда двигалось и казачье войско.

В это мгновение передние ряды казаков перекрыли изображение двух юных красавиц, поспешивших не упустить тех, о ком они говорили.

Оператор ТВ с досадой вывел объектив на общий план, а поскольку девушек уже не было видно из – за марширующих, он продолжил съёмку самой колонны пропуская мимо себя все новые и новые шеренги.

Тем временем девушки, стараясь, по крайней мере, не отстать от первых казачьих рядов, не спуская глаз со знаменосцев, быстро двигались у самого бордюра, в, казалось, заранее известном им обеим, направлении.

Пройдя добрые, полторы – две сотни метров, казаки перешли на вольный шаг, но в это время грянула команда «запевай» и из середины первой когорты со знамёнами, голосистый запевала вдарил песню и казаки вновь перешли на шаг «в ногу».

Говорил мне на кругу
Дед, лихой рубака,
Как с судьбою ни крути
В жизни всё не так,
Коль получишь тумака
В призастойной драке,
То, не горе, не беда,
Ты, не серчай, казак.
Теперь уже вся казачья сотня, рявкнула припев:
Эй, эй не жалеи
С краем чарочку налей,
Пусть вовек вино искрится,
Сердцу будет веселей.
Вновь, запевала в одиночку продолжил песню:
Может на твоём пути
Заиграет буря,
На гнедого положишь,
Чтоб не попасть впросак.
Ну, а клюнет, вдруг, тебя
Вражеская пуля,
То, не горе, не беда,
Но, ты озлишь казак.

И, снова когортой, все как один, рявкнули припев. Повторив его дважды, как и после первого куплета, казаки разом смолкли, а запевала продолжил:

Хорошо стоит трава,
Коль весны вдохнула.
Манят звёзды ввечеру
Выйти просто так.
Видишь, милая прошла
И, не улыбнулась,
Вот уж горе, вот беда,
Но, не серчай, казак.

И, снова хором когорты взорвалась припевом:

– Слышишь? – смеясь, говорила русоволосая Тома, шатенке Томе, – Как про вино, так все хором. А, как про любовь, так всего один.-

– Что, поделаешь? Вино казакам милей, чем любовь. Уж, они такие. Меня об этом ещё бабуля предупреждала. Так что, не переживай. В любви они тоже кое – что понимают.

А, запевала всё не унимался:

Говорил дед на кругу
Обрывая споры,
Как с судьбою ни крути,
А в жизни всё не так.
Затрубит земля поход
Поспешай на сборы,
Богу в храме помолись
И, в добрый путь казак.

Едва все гаркнули, – Эй, хэй, не жалеи... как прозвучала команда – «Отставить. Стой. Раз, два».

Когорта разом встала как вкопанная. Послышалась команда «вольно», а затем «... разойтись по своим автобусам» и казаки стали дружески прощеваться, обещая друг другу свидеться в скором времени. Большая часть казаков рассаживалась в специально поджидавшие автобусы, но некоторые, в том числе и наши знаменосцы, с уже знакомыми нам девчушками, сели в, неподалёку, стоящую «Ладу».

– Ну, внученьки – обратился к девушкам пожилой плотный казак; – До дому за рулём будете вы, а мы с дедом Костей будем в качестве пассажиров у вас. Да, Костик? – А, то мы перед парадом по стопеъдесят приняли. Любой «гибдэдэшник» тормознёт. Денег на штрафы не оберёшься —

– Абсолютно вареники, – кивнул головой, худощавый на лицо, его сверстник.

– Едем через Яблоновку и Горячий Ключ; – сказал плотный казак.

– А, почему не через Апшеронск? – возразила шатенка Тома: – Ведь, через Апшеронск трасса намного лучше. —

– Зато, через Горячий на тридцать километров ближе. Выполняй приказ казачка: – тоном, не терпящим возражения пробасил сквозь вислые усы дед, русоволосой Томе, сидевшей за рулём «Лады».

– Ну, ты, Генчик шибко – то не строжись. Всё – таки, девчонки казачьей присяги не принимали, – миролюбиво буркнул дед Константин.

– И, то верно – вздохнул дед Гена – Вперёд и галопом. Бабульки, поди уж, заждались к столу. А, нам ещё в Хадыженское казачество заскочить надо ненадолго.

«Лада» неторопливо поплыла, среди множества машин, явно стараясь найти промежутки для продвижения. И, это ей плохо давалось. Но, всё – таки, минут через сорок она выбралась из этого вавилонского столпотворения и проскочив мост через Кубань, повернула к югу. Туда, где при ясной солнечной погоде в некотором отдалении виднелись горы.

Федеральная траса ведущая на Джубгу была хорошо ухоженной и достаточно комфортной. И, поэтому позволяла давить на «железку», несмотря на то, что через равные промежутки времени стояли предупреждающие знаки запрещающие скорость движения более 90 километров в час.

– Смотри внученька, там перед Адыгейском посты «гибдэдэшные» стоят. Из черкесов. Шибко строгие. Запросто могёшь «энной» денежной суммы лишиться, – предупредил дед Костя – И, кстати, за мостом напротив Адыгейска, по краям дороги есть придорожный базарчик. Останови там напротив рыбного ряда. Чехони взять надо. Пивко заскучало. —

Русоволосая Тома, согласно кивнула головой и попросила:

– Дед, спой что – нибудь, вроде «Ой, ты, степь широ – о – о —ка – я» – пропела она, голосом красиво окрашенного тембра и точно интонируя.

– Хэ, – выдохнул дед одобрительно – Тебя, в пору саму просить, чтобы спела. Вона какой голосок. Что у Фары Марии.-

– А, кто такая Фара Мария? – с удивлением спросила внучка.

– О! – вздохнул дед Костя – В семидесятых эта кубинская певица своим пением наповал сразила всех мужиков Советского Союза. Мало того, что красавица каких редко встретишь, да и то только у нас на Кубани, так ещё и голос такой обворожительной силы, что куда там каким то пугачихам с кобзонами. «Бэссаме мучо» так пела, что мы просто немели когда слушали. Да —а, – мечтательно протянул дед Костя, – певица была, я те дам. —

– Почему была? – возразил дед Гена, – Может она и по сю пору жива. Просто наши российские «сивучи» оккупировали телеэкраны и не дают возможности увидеть и услышать настоящих эстрадных певцов и певиц. Потому, мы и решили, что окромя наших простуженных – «заслуженных» никто в мире и не поёт больше. Так, дед Костя? – обратился он к другу.

– Любо говоришь. Именно так, – согласно кивнул тот.

– Ну, спой дедуля. Какую – нибудь казачью, – умоляюще перебила его внучка. Мы, всё – таки, в родные края приехали, чтоб местный фольклор собирать. Ну, и самим спеть. На фестивале молодёжной песни и танца в Сочи. А, для начала хотим вас дедов и бабулек послушать. Может, что и напоёте нам на карандаш. Доселе неизвестное русской народной песенной культуре. —

– Неизвестное? – восторженно воскликнул дед Константин, – Эт, мы могём. Эт, мы порадуем, – он задумчиво посидел секунд несколько, а потом так же задумчиво произнёс: – Есть у меня одна старая казачья песня. Её мне дед втихую напевал и велел запомнить на всю жизнь. А, почему втихую, поймёшь сама когда прослушаешь. Ну, так и слушай, и запоминай, – с некоторой заминкой произнёс он и, тут же тихо, сочным баритоном, «а капелльно» запел:

Расстелилось полюшко скатертью,
Словно было выткана матерью
Невообразимая волюшка,
Только пала горькая долюшка.
Подобравшись тихою сапою,
Всей своей звериною лапою,
Навалился змей – сила тёмная,
Застонала Русь подъярёмная.
Эй, эй... поле,
Эй, эй... воля.
Эй, эй... доля,
Эй, эй... неволя.

Прослушав запев и припев, дед Гена взял из – за спинки заднего сиденья гитару, которую взяли с собой девчонки, и тихими аккордами всё больше налегая на басовые струны стал неуверенно аккомпанировать другу. Чувствовалось, что песни он не знал заранее и потому в аккомпанементе проявлял поначалу некоторую неуверенность. Но, от куплета к куплету гитара звучала всё смелее.

Рвёт когтями, зверь, груди белые
Песнь свою поёт, оголтелую.
Будто бы вино очень спелое
Кровь сосёт в захлѐб, по умелому.
А, во лбу звезда рдеет красная,
Словно пильный диск, дну, клыкастая,
Режет всею силой зубастою
Города и веси несчастные.
И, пока над нами глумится он
Не видать нам чистой криницы,
Не дышать нам воздухом утренним,
Не стоять в покое заутреню.
Но, доколе всё это терпится?
Ведь без нас ничто не изменится.
Разве ж мы настолечко пьяные,
Чтобы ждать свободу желанную?
Ты ж, пойдёшь во поле кручинушка
И, своей могучей дубинушкой
Сокруши хребет, окаянному,
Нет ему вовек покаяния.
Ты, взойди, взойди солнце ясное,
Разгони погоду ненастную,

Обогрей лучами искристыми
И, верни нам души, пречистыми.
Эй, эй... поле.
Эй, эй... воля.
Эй, эй доля,
Эй, эй... неволя.

Дед Константин умолк закончив песню. И, некоторое время они ехали по федеральной трассе, проложенной среди широко раскинувшейся кубанской степи, в некотором, раздумьи. А, потом его внучка сказала:

– Песня очень грустная и ритм, какой – то не вполне понятный. – На что дед ей ответил: —

– Песня, видать времён рассказывания, а то и с гражданской. Не знаю. Дед мой ничего про это не сказывал. А, вот что касаясь сложностей ритма, то я и сам долго не мог разобраться. И, только когда уже немало поиграл, понял, в чём тут хитрушка: – И, он тут же объяснил.

Понимаешь. Песня в ритме на восемь четвертей. То есть музыкальный такт не четыре четверти, а в каждом такте восемь четвертей, —

– Дак, это ж два такта по четыре четверти – перебила его внучка, —

– Э...э... н...е...т, – протяжно и с ухмылкой ответил дед. Так, да не так.

Вот в запеве такт на восемь четвертей разбивается на теоретический такт в две четверти и последующие два такта в три четверти. А, в припеве, наоборот первые два теоретических, или воображаемых такта идут на три четверти и последующий на две четверти. Понятно объяснил? – спросил он.

– Э... э... э, – пробасил дед Геннадий, – Две четверти, три четверти. Так бы сразу и сказал, пять чекушек. А, то первая четверть, последующая...

Девчонки расхохотались, а дед Костя хмыкнул, – У голодной куме одно на уме. —

– И, что? – отпарировал дед Гена. – Щас заскочим на придорожный рынок в Адыгейске. Возьмём сушёной тараньки. Пивко ещё, мал – мал, имеется с собой. Там у рынка и осушим его под рыбку. А, в Горячем ключе возьмём нашего Хадыженского пивка и поблаженствуем на славу. Прямо не отходя от кассы. Кстати, Костик ты как хочешь, а я – то чекушечку, всяко разное, приговорю к истреблению. День сегодня такой. Обязывает – вдохновенно закончил он свою речь. И, тут же добавил. – А, вот и рынок на горизонте объявился. Обязательно тормозни у рынка Томуся. —

– Тормозну, тормозну, – согласилась та. – Куда ж от вас денешься.

Через несколько минут она действительно остановила машину проехав немного далее того места, где над прилавком висели на выбор снитки сушёной рыбы. Сделала она это потому, что у самого прилавка стояла «жигули» четвёртой модели и в неё трое молодых, явно выраженной «кавказской наружности» ребят, загружали в небольшой ящик сушёную тараньку, чехонь, шуку и другую сухоту. Дары кубанского моря.

Дед Гена кряхтя вылез из «лады» и пообещав тут же вернуться, пошёл к рыбному прилавку. Заметив молодых ребят, подошёл к ним.

– Ну, как рыбка, джигиты? – приветливо обратился он.

– О! дядя Гена. Добрый день. Доброго вам здоровья, – столь же приветливо, отозвались они в ответ.

– И, вам доброго здравия. —

Он сердечно пожал руку каждому и по ходу поинтересовался, – для кафе своего набрали рыбки? —

– Да, – охотно отозвались те, и, в свою очередь тоже поинтересовались:

– И, вы за рыбкой?

– И, я. А, в какую цену таранька? —

– Двадцать пять рублей штучка, – удручённо проинформировали деда молодые бизнесмены.

– Однако, – недовольно пробурчал дед в усы, – Совсем оборзели торгаши. —

– Что поделаешь. Торговать то надо. А, то бизнесу капут, – нравоучительно произнёс один из «джигитов».

– Так, вы что же, аж в Адыгейск за рыбой поехали? До Туапсе то от нас гораздо ближе, а там этого добра хоть захлебнись, – вдруг удивился дед.

– Нет, дядя Гена. Мы вначале в Краснодар съездили. Кавказский барабанчик купили. Будем «лезгинку» танцевать, – проинформировали ребята деда.

– Ну, да, – улыбнулся тот, – вам черкесам без «лезгинки», – что без скакуна.-

– Правду говоришь, дядя Гена. Мы, черкесы без «лезгинки», не черкесы. Как и вы русские без «барыни», не русские. Всё правильно. —

– Ну, ладно хлопцы. Доброго вам пути. В Хадыженске свидимся, – сказал дед, пожимая руку на прощание каждому.

– И, вам доброго пути. Заходите к нам в кафе. —

– Обязательно буду. И, не раз, и не два, а много – много раз зайду пивка хадыженского треснуть. —

– Будем очень рады. —

Ребята сели в машину и укатили.

Под ярким южным солнцем, среди, казалось, бесконечной степи по широкой федеральной трассе едва не сплошным потоком, несмотря на ограничивающие скорость дорожные знаки, торопливо обгоняя друг друга двигались легковые автомобили. По большей части на юг, к морю. И, в этом потоке бордовенькая слегка запylённая «жигули» если и не сверкала, то уж во всяком случае, светилась словно спелая майская вишня. Монотон движения в общем потоке машин навевал легкий сон и молодой «кавказец» сидящий за рулём вдруг обратился к сидящему сзади.

– Дорогой, постучи «лезгинку», а то я усну за рулём. Сам знаешь. Совсем рано встал. Спать хочу. Не дай уснуть. —

Тот, что сидел сзади, взял под мышку утром купленный маленький кавказский барабанчик и лихо защёлкал пальцами по его туго натянутой коже. В салоне вмиг стало, по домашнему, уютно и весело. Тогда и тот, что сидел, справа от водителя, протянул руку и нажал пальцем кнопку автомагнитолы. Из динамиков полилась песня.

Вон, в полынном поле кони

В беге бьют копытами.

На ветру полощут вволю

Гривы златом мытые.

Слышь, удачливый цыган

Потолкуй с друзьями,

Обещай мне скакуна,

И, рискни кудрями.

Зазвени, запой струна,

Задыши созвучьями,

Чтоб умолкли, от вина

Голоса трескучие.

Эй, счастливцев конокрад

Кони ждут за речкою.

Будь своей добыче рад,

Но, не тронь уздечки.

В салоне стало явно не до сна. Ребята оживились, а магнитофон под аккомпанимент барабанчика продолжил песню.

Стерегут в степи дозоры
Взять надеясь на испуг.
В деле ж верная опора
Конь лихой, да прежний друг.
Эх, ударим по рукам
Верь счастливой доле.
Не дотянется аркан,
Пуля не догонит.
Мы, с тобой заветной ночью
На украденном гнедом,
Увезём купцову дочку
В холостяцкий новый дом.
Пусть утешится в объятьях,
Заполошенная статья.
Надарю ей ворох платьев
Век свободы не видать.

Ещё звучали последние слова песни, как задний пассажир отложив барабанчик изумлённо спросил.

– Слушай дорогой, почему на Горячий свернул? Там, за Горячим дорога совсем плохая, машину разбить можем, а... Что, я скажу отцу? Что без спроса взял и разбил, да? —

– Нет, дорогой. Машину ломать не будем. В Горячем надо взять для кафе несколько упаковок «горячключевской» минералки. Прямо с завода. Так будет дешевле и выгодней, — холодно ответил на жгучий вопрос водитель, и продолжил: — Не бойся дорогой. Отец не узнает. Мы же ему не скажем, что брали у него машину. Да? —

Набив полный багажник «четвёрки» упаковками с «горячключевской» минералкой, молодая компания неторопливо расселась в машине и «жигули» плавно тронувшись с места, пошли по улицам города выискивая дорогу ведущую на Хадыженск. Выбравшись на неё, машина пошла по улице уводящей за город, в конце которого начался плавный подъём в горы.

Дорогу, уже с обеих сторон, обступал густой дубовый лес, навещающий лёгкую прохладу. Сама дорога, петляя как заяц и всё выше и выше взбираясь в горы, то ныряла вниз, то опять поднималась ещё выше не позволяя развивать скорость до «джигитовки» и, потому ребята не просили водителя добавить «газку».

Ярко светило и жарило южное послеобеденное солнце, но открытые окна салона заглаживали встречные потоки воздуха и внутри машины жары не ощущалось.

Несколько времени спустя проехали Кутаис и «владелец» машины предупредил того, что сидел за рулём: — Смотри дорогой, здесь совсем дурная дорога. Можем колёса попортить. Что я скажу отцу? —

– Не переживай дорогой. Я, миллион раз по ней езжу. Знаю её как собственный бумажник. Домой доедем без приключений. —

Дорога действительно испортилась. Впечатление было такое, что её кто – то специально и старательно отгофрировал. Хорошо, что машина была изрядно загружена. Это гасило тряску больше похожую на взбалтывание. Но, тем не менее водитель старался ехать по более ровным местам и как можно тише. Но, на подъезде к Широкой Балке все же что – то произошло. Машина вдруг слегка накренилась и её повело в сторону, прямо на встречную «полосу».

– Что такое? ... дорогой. Что случилось? – встревожился «автовладелец». Но, поняв, что действительно что – то произошло серьёзное, с горечью в голосе воскликнул:

– Ну, что я скажу отцу? Что взял машину без спроса и разбил, да? —

– Подожди дорогой. Не переживай. Она у тебя старенькая. Может быть что –нибудь у неё отсыпалось. Сейчас найдём, быстро поставим на место и дальше поедem, – невозмутимо – сосредоточенно пробурчал «водитель».

Они все вместе вышли из машины и собрались у переднего левого колеса. И без научной экспертизы было видно, что колесо спущено по самую ступицу, а из шины торчала головка большого гвоздя.

– Ну, что за дороги? Это что? Федеральная трасса, да? —

Возмущению «автовладельца» не было предела. Трасса действительно была федеральной, но безответственность горячеключевских и апшеронских чиновников отвечающих за её благоустройство, оставляла участок трассы на границе двух районов бесхозным и «непроездным».

– Есть домкрат? – деловито спросил «водитель». —

– Какой домкрат? Не знаю. Нету никакого домкрата, – буркнул «автовладелец», – Отец ремонтирует. Я, не лезу в машину. Мне ещё нет 18 лет. —

– Как? Дорогой. Ты едешь в Краснодар и не знаешь, что у тебя есть в машине для ремонта? – удивлённо засмотрелся на «автовладельца» водитель. Тот в ответ пожал плечами и удручённо произнёс:

– Давай посмотрим, —

Они все, втроём подошли к багажной двери «жигулей», открыли, подняли её вверх. Из — за упаковок с минералкой ничего нельзя было разглядеть. Стали дружно выгружать. А, когда выгрузили всё, убедились, что домкрата действительно не было. Зато было запасное колесо.

– У – ф – а, – облегчённо выдохнул водитель, – хорошо, что «запаска» на месте и ключ баллонный тут. Давай будем менять колесо. —

– А, как будем менять? – с подозрением спросил пассажир, бывший третьим в этой компании.

– Я, сейчас отверну гайки, – продолжал водитель, вытаскивая запасное колесо из багажника и подкатывая его к передку машины, – а вы, вдвоём с ним, приподнимите передок, и я быстро поменяю колесо. Поняли? —

Он быстро открутил гайки и взявшись за колесо сказал:

– Поднимайте. —

Молодые здоровые ребята, поднатужившись, приподняли перед машины ровно настолько, чтобы можно было без помех поменять колесо. Но, что – то не заладилось и водитель, как показалось «труженикам» слишком завозился.

– Скорей меняй, дорогой. Тяжело, – умоляюще просил «пассажир» навалившись грудью и щекой на капот. Крупные капли пота стекали по лбу и щекам, орошая вишнёвую поверхность крышки капота. То же самое творилось и с «автовладельцем», но он стойчески молчал.

– Секунду, секунду. Ещё солнце не зайдёт, как все на место поставим, – успокаивал их водитель, – потерпите джигиты.

Они терпели и водитель, быстро пристроив новое колесо, быстро же «наживулив» и закрутив до конца все гайки сказал: – Готово. Бросайте.-

Передок машины рухнул, но крепко встал на все четыре колеса. Водитель отнёс баллонный ключ в багажник и не найдя в нём чего – то ещё, очень нужного, спросил:

– Где у тебя тряпки руки вытирать? —

– Там, под задним сиденьем, – ответил «хозяин» машины укладывая пробитое колесо в багажник.

Водитель наполовину нырнув в салон поднял заднее сиденье и достав не что из – под него, показал его «хозяину».

– Что, это такое? —

«Хозяин» глянув на предмет в руке водителя, понял свою оплошность, но попытавшись увильнуть от прямого ответа, пожал плечами и уклончиво промямлил: —

– Не знаю. Железка какая – то? —

– Вот эта железка, – водитель назидательно тыча пальцем в предмет удерживаемый в другой руке, ещё более назидательно произнёс: – Называется ДОМКРАТ. Запомни, дорогой. —

– Запомню, дорогой —

– Запомни, дорогой. —

– Запомню, дорогой. —

– Запомни, дорогой.-

– Запомню ... —

В это время мимо них проехала уже знакомая нам «лада» с казаками и их внучками.

– Что – то случилось с нашими ребятами. Может помочь надо? – сказал дед Гена оборачиваясь и глядя через заднее стекло на троих парней стоящих на дороге.

– По-моему, всё худшее у них уже позади, – ответил дед Костя тоже смотрящий на парней через стекло заднего вида. – Видишь, руки уже вытирают. Значит дело сделано, —

– Ну, и ладно, – успокаиваясь сказал дед Костя, и отвернувшись от представшей его взору картины, поднёс к носу очищенную от чешуи тараньку и блаженно вдохнул её рыбий аромат.

– А, что это за ребята? – поинтересовалась русоволосая Тома.

– Что, понравились? – лукаво спросил дед Костя.

– Понравились, – искренне призналась та, – очень симпатичные ребята.-

– Эти ребята арендуют кафе «Пирамида». Торгуют шашлыками, пивом, минералкой, ну и так далее. – пояснил дед Костя.

– А, почему «Пирамида»? – вновь спросила внучка.

– Да, был тут у нас один чудакотавый архитектор. Хотел нас удивить чем – то от Тутанхамона, а получился, как в том мультике, «фигвам». Но, ребята не унывают, стараются работать с прибылью. И получается у них. Молодцы.-

За автобусной остановкой машина снова выбралась на асфальт и тряска прекратилась. Теперь «лада» катила плавно по главной улице хутора с поэтическим названием Широкая Балка, проезжая мимо работающей качалки вытягивающей нефть откуда то из глубин кавказских недр. Теснящие дорогу горы как бы расступились, открывая восхитительный пейзаж вершин покрытых сплошным лесным покровом. И, девчонки в восторге от увиденного аж взвизгнули. Беспреданно озираясь по сторонам русая Тома ведущая машину, словно забыла о том, что она за рулём. Но, не тут – то было. Дорогу она контролировала чётко, и всё происходящее на ней совершенно не ускользало от её внимания. Правда, в пути ничего не происходило поскольку, дорога эта среди хадыженцев, не пользовалась особой популярностью из – за своего «неудобья», и встречных машин не было вовсе. Всё удовольствие портил участок дороги лежащей между Кутаисом и Широкой балкой. До, и после, лежал хороший ровный асфальт, а между ними «стиральная доска». Но, слава Богу, и хвала Аллаху, неудобоваримый участок остался позади и «лада» весело катила дальше. Вот проехали «Асфальтовую» и впереди уже оставался только Хадыженск. Дорога опять, пошла вверх, прижимаясь левым боком ко вновь теснившим её подножиям гор. И когда «лада», взошла на последний перевал, взору путников открылся ещё более потрясающий вид. Слева от асфальта гора уходила вверх, а справа наоборот круто падала вниз, открывая взору бескрайнюю панораму расступившихся гор словно намеренно отбежавших далеко – далеко, чтобы открыть за своими зелёными маковками вершины убрённые снегами.

– Ну, прямо Швейцария, – задохнулась от восторга шатенка Тома не в силах оторвать глаз и от удалившихся вершин, и от глубочайшего широкого ущелья, больше похожего на пропасть и потому внушавшего девчонкам некоторую робость.

– Куда там Швейцария, бери выше, – горделиво заворчал дед Константин и успокаиваясь хмыкнул: – Швейцария. —

И вдруг девчонки, до того не отрывавшие взгляда от панорамы открывшихся гор, увидели горного козла. С огромными рогами, этот могучий хозяин гор, горделиво озирая свои владения, казалось, вот – вот спрыгнет на дорогу с бетонного пьедестала и преградит дальнейший путь. Машина резко затормозила, взвизгнув тормозами.

– Ты, чего внучка? – удивлённо вскинулся Дед Константин.

– Так, ведь козёл на дороге, – ошеломлённо ответила, русоволосая Тома не веря глазам своим.

– Что с тобой, внучка? Какой же это козёл? Это ж монумент. Он же из бетона. Поставлен здесь согласно плану монументальной пропаганды, типа «Рабочий и Колхозница», «Девушка с веслом», «Пролетарий с ключом», «Ленин в гробу» и так далее. Протри глаза внучка, а то ведь недолго и в ущелье сигануть, – ухмыльнулся дед.

– И вправду отдохнуть надо. А, то уже больше часа за рулём. Пойдём, Тома выйдем, разомнёмся, подышим свежим воздухом гор на самой маковке перевала. И всем бы не мешало заодно просвежиться, – обратилась она к сидящим в машине.

Те, в полном согласии и бормоча что – то восторженное по поводу открывшихся красот, вылезли из машины и огляделись.

Напротив «монументального» козла, прямо через дорогу, на другой её стороне, была устроена открытая смотровая площадка, явно рассчитанная на приезжающих туристов.

И действительно. Открывающийся вид на горы захватывал дух вызывая никогда ранее не испытанные эмоции. В душе что – то вскипало и выплёскивало через край.

– Э – ге – ге – гей ..., – вдруг вместе и звонко закричали обе Тамары и удивившись столь неожиданной согласованности глянув друг на друга расхохотались. На удивление никакого эха в ответ не последовало. И виной тому густой лесной покров, окутавший и все вершины, и ущелья, и, казалось даже небо. Так высоко забрался в окружающие горы этот настырный лес.

– Слышишь, Тома? Нет совершенно никакого резонанса. Условия для репетиции самые идеальные. Никакого тебе призыва, – обратилась шатенка Тома к своей русоволосой подруге.

– А, действительно. Ну – ка, давай репетнём на природе нашу фестивальную. —

Они дружно подбежали к машине, выхватили из неё гитары, к изумлению своих дедов и пританцовывая в движении к подножию монумента, в голос просчитав «раз», «два», «три», «четыре» разом ударили аккорд и запели в ритме «буги – вуги».

Утром, лишь, волшебным светом

Брызнет солнце по витринам,

По газонам, парапетам,

Как трезвонит мне Ирина.

Ты, скорей моя подружка,

Сновидений, не жалея

Отрывайся от подушки

Прогуляться по аллеям.

Ну, Тамара! Чем, мы, не пара?

Восхищают всех наши чары.

И, когда идём по бульвару,

И, когда поём под гитару.

Ну, Тамара!

Про наши чёлки

Тараторят все без умолку.

И, когда блистаем в заколках

И, когда купаемся в шёлке.

Ну, Тамара .....

Только к зеркалу прильну я,
Посекретничать с минутой.
Причесаться, улыбнуться,
А, в окно стучит Аня.
– Уж, всюду цветёт черешня,
Накалилась добела.
Ждут, с тобой, порою вешней
Наши, девичьи дела. —
– По, над озером прохладой
Ночь седой туман разлила.
Нам, сейчас немного надо б,
Только солнышка вполсилы.
Вот тогда, с тобой, вдвоём мы
Будем ласкою облиты. —
То, уже в дверном проёме
Улыбается Никита.

– Слушай, что такое?, – с изумлением глядя на танцующих и поющих девчонок обратился к своему пассажиру сидящий за рулём «кавказец». Он резко остановил машину, когда из – за поворота предстала картина с танцующими эвридиками.

– Не знаю, дорогой. Может секта какая? – в столь же сильном изумлении пожал плечами тот, глядя на импровизированную сцену.

– Козлячья что – ли? – удивился третий пассажир.

– Почему «козлячья», дорогой? – переспросил тот, что за рулём.

– Под козлом танцуют, дорогой. Э – э – э... как танцуют. Пойдём и мы с ними танцевать будем лезгинку. Давай барабан. —

Все, трое выскочили из машины и отбивая по туго натянутой коже барабана зажигательный ритм в движениях лезгинки удивительным образом сочетающихся с озорными движениями танцующих девчонок двинулись по направлению к ним.

Те, несколько не удивившись такому повороту событий, продолжали своё исполнение.

Ну, Тамара Чем мы не пара?

Восхищают всех твои чары.

И, когда идём по бульвару,

И когда поём под гитару.

Ну, Тамара!

Сколько же можно

Подходить к любви осторожно.

Пару слов сказать, ведь, не сложно,

И, тогда всё станет возможно.

Утром лишь, волшебным светом

Брызнет солнце по витринам,

По газонам, парапетам

Ан, трезвонит мне Марина ....

Едва прозвучали последние слова, и смолк последний аккорд, как все трое словно подкошенные рухнули вниз, но на одно колено, быстрыми движениями поочерёдно прикладывая руку к сердцу и склоняя голову выпалили:

– Мурад —

– Махмуд —

– Магомед —

– О! МММ! – удивлённо воскликнули девчонки и тут же по очереди представились:
– Тамара, —
– Тамара. Группа «ТТ». Сражает наповал, —
– Ва – а... Царица Тамар, – восхищённо выдохнул Махмуд, глядя влюблёнными глазами на красивых девчонок.

– Две, – выдохнул Мурад
– Что, две? – переспросил в удивлении Махмуд, не сводя глаз с предмета своего обожания.

– Две, царица Тамар, – пояснил Магомед.

– Вы откуда такие красавицы? – в неподдельном восхищении спросил

Мурад.

– Вообще – то, мы тутошние ... – не сговариваясь, в голос выпалили девчонки и расхохотались: – Но, по образованию мы тамошние. – И снова засмеялись, глянув друг на друга: – Ну, как в сказке «Варвара краса». Учимся в Москве, в пединституте. На музыкально – педагогическом отделении. Приехали домой на Кубань, собирать казачий песенный фольклор.-

– А, кавказские танцы тоже собирать будете? – заинтересованно спросил Махмуд.

– Наверное, тоже будем. Но, скорей всего только песни. Потому что, мы всё —таки поём. А, танцы не наш профиль. Хотя и танцы нам тоже очень нравятся, – закончила пояснения синеглазая шатенка Тамара.

Сидевшие в «ладе» деды, пока суть да дело молодое, приговорили «чекушку», почистили тараньку и принялись жевать её запивая пивом «Сибирская корона». Хадыженского пива в Горячем ключе как раз не оказалось, и деды обошлись «Сибирской короной».

– Не – е – т – ..., – протянул дед Константин: – Наш – то Хадыженский пивасик, явно повкусней будет, что и говорить. —

– Да, уж само собой, – поддакнул дед Гена. И они продолжили пивной завтрак.

Уложив пустые бутылки в полиэтиленовый пакет, где уже лежала вся рыба чешуя, дед Гена открыв дверь машины окликнул: – Ну, что девоньки, пора бы и по домам. —

Удивлённые джигиты, в горячке совершенно не обратившие внимания на пассажиров «лады», были приятно удивлены невесть откуда взявшимся дедам, заулыбались и подойдя к машине почтительно поздоровались и с дедом Константином.

– Внучки наши, – пояснил тот, – приехали на всё лето отдыхать. —

– А, почему мы вас с дядей Геной знаем, а их не знаем и никогда не видели? – спросил Мурад, во все глаза глядевший на русоволосую Тамару и явно симпатизируя ей.

– Потому, что живут они в Москве с родителями, а к нам очень редко приезжали. Да и то, проездом на море. Так что и сами мы их очень мало видели. Хотя, что ни на есть, а самые родные – родненькие, – объяснился дед Костя и добавил: – Ну, джигиты, по коням —

Все расселись по своим машинам и кортеж из двух легковушек скорым ходом двинулся дальше.

Вот и последний поворот. Дорога пошла слегка вниз и далеко внизу впереди взору открылась широкая долина усеянная крышами многочисленных частных домов укрывшихся под кронами пирамидальных тополей, фруктовых деревьев, сосен, елей, вязов, каштанов и прочей могучей зелени.

Вот и железнодорожный переезд. Дорога ещё круче пошла вниз, пробежала по мосту через мелкую речушку, и разлеглась на ровном месте, протянувшись аж до соцгородка. Там снова немного вниз, через мост и вновь на ровное поле.

– Значит так девоньки, – пробасил дед Гена: – Везёте нас в казачество и там оставляете. —

– А, что вы даже кушать домой не поедете? – попыталась возмутиться шатенка Тома.

– Атаманов приказ. По приезду сбор в казачестве. Затем молебен. И, потом казачий обед, во здравие кубанского казачества. Ну, а только потом домой. Мы с Костиком вам позвоним. Приедете за нами: – тоном, не терпящим возражения закончил дед Гена.

Русоволосая Тома, сидящая за рулём, недовольно хмыкнула, но дедов приказ заставил её послушно повернуть к казачеству. Высадив казаков у их штаба, она отвезла свою подругу домой и уехала к себе, где с нетерпением уже ждала её бабушка.

Во дворе, рядом с недавно отстроенной казаками церковью святого Георгия, находился штаб Хадыженского юрта, сиречь, отделения Кубанского казачьего войска. У входа в штаб толпились съезжающиеся казаки, курили, о чём – то тихо переговариваясь и поглядывая на блестящий золотом купол церкви. Нет, нет да чему – то своему смеялись и кивали головами в знак согласия. Малиновые, чёрные черкески, камуфляжная форма на молодых казаках – всё это смешалось в какую – то удивительно пёструю цветочную массу, отчего со стороны казалось, что во дворе казачества ожила и расцвела восточная клумба.

Подъехавшие к казачеству дед Гена и дед Константин едва успели вывалиться из машины и пристроиться к общему сбору, как раздалась зычная команда атамана.

– Казаки на молебен, – и вся масса собравшихся казаков степенно двинулась к дверям церкви, скоро вобравшей в себя своих сынов.

Внутри церковь была не особо просторной и не особо богатой, но на это никто из казаков не серчал. Всё их внимание было сосредоточено на батюшке.

– Господу помолимся, – нараспев читал молитву батюшка, и казаки осеяли себя крестным знаменем.

Молебен продолжался довольно долго, но этому никто не удивлялся. Так было положено издревле и обряд этот, свято соблюдался.

– Во имя Отца, Сына и Святого духа, аминь. – закончил молебен батюшка и казаки троекратно перекрестившись, неторопливо потянулись к выходу.

В здании хадыженского казачества имелись две большие комнаты в одной из которых, до того, как была достроена церковь служил службы батюшка, а в другой, атаманской, собирався казачий круг. И, вот теперь, в атаманской были расставлены столы накрытые белыми скатертями вокруг которых сутились казачьи жёны, расставляя посуду, рюмки, раскладывая чисто казачьи, а по сути русские разносолы. А, на самое видное и почётное место четвертные бутылки с «чачей», виноградным спиртом градусов этак под шестьдесят, внутри которой словно неимоверно крупные капли крови, на разной глубине и широте плавали стручки маленького, но очень жгучего перца с ласковым именем «огонёк».

– Ох, и напьются же сегодня муженьки наши, – вздыхала одна, раскладывая ложки и вилки.

– И, пусть пьют. У нас, у казаков кто не пьёт, тот або хворый, або пудлюка, – отвечала ей другая, – расставляя солонки и хозяйски оглядывая стол – всё – ли так и всё – ли на месте.

– А, чего это мы ножи на стол не кладём? – вдруг спохватилась третья.

– А, на что казаку нож, когда у него есть кинжал? – вопросом на вопрос ответила четвертая.

– А, на что казаку два кинжала? – лукаво пропела ещё какая – то, и девки переглянувшись вдруг грохнули хохотом.

– Чёй – т, они там развеселились, – нахмурился атаман, но смех за дверьми так же внешне стих, как и всплеснулся.

– Итак, казаки, сегодня мы собрались не только для того, чтобы праздновать День реабилитации казачества России, хотя вся вина прадедов, дедов и отцов наших в том, что мы верой и правдой служили отечеству нашему российскому, но в том числе и для того, чтобы ознакомиться с приказом Атамана Кубанского Казачьего Войска.

Все вы хорошо знаете, что 19, 20, 21 августа 2011 года Россия будет праздновать двадцатилетие освобождения России от коммунистического режима. В честь этого в г. Сочи намечено провести в эти светлые праздничные дни Всероссийский фестиваль молодёжной песни и танца. Съедутся молодёжные коллективы со всей России. Сами понимаете, господа казаки, что в самом городе Сочи и его окрестностях соберётся огромная масса народа. И нет никого сомнения в том, что скоплением такой массы народа воспользуются не только воры, проститутки, грабители и прочие наркоторговцы, но и террористы, желающие не только напугать жителей России, но и мстить Российскому правительству за его жёсткую антитеррористическую деятельность на Северном Кавказе. В связи с этим Атаман Кубанского Казачьего Войска приказывает.

Приказ:

– В связи с проведением в г. Сочи фестиваля молодёжной песни и танца 19,20,21 августа 2011 года создать мобильные казачьи подразделения для патрулирования г. Сочи и его окрестностей.

– Маршруты патрулирования будут определены особым приказом по Кубанскому Казачьему Войску.

– Начало формирования мобильных казачьих подразделений возлагается на атаманов местных казачьих общин, в срок не позднее 1 июня 2011 года.

– О готовности мобильных казачьих подразделений доложить Войсковому Атаману Кубанского Казачьего Войска, 22 июня 2011 года.

Краснодар.

22 мая 2011 г

– Вопросы будут, казаки? – спросил атаман.

– Будут, – ответил кто – то из казаков.

– Задавай вопрос, – глянул решительно в его сторону атаман

– Оружие и транспорт. —

– Из оружия пока только шашки и кинжалы. Транспорт свой, способный ходить не только по бездорожью, но и по горным дорогам. И, в первую очередь по горным тропам. А, это значит конь, уазик, квадроцикл, ну и, ГАЗ 66, — закончил атаман, – и добавил: – детали будут уточняться на следующих круговых сборах. А, теперь за стол казаки. Бабоньки и «чача» заждались. —

Казаки, разом зашумев, двинулись в комнату с уже доверху накрытым столом. Пока рассаживались, женщины наливали и разносили тарелки с борщом. Казакам оставалось лишь разливать чачу по рюмкам. И, когда рюмки были налиты, взял слово атаман.

– В этот светлый, праздничный день, день реабилитации казачества России, я, лично хочу поздравить всех нас с днём, в который верили мы во всё время большевистского засилья. Господь не оставил нас, но испытал. И, мы сегодня славим Господа за весь путь, который он нам предположил. И, который, мы с честью прошли, несмотря на всю антихристову власть. Сказал Господь, истина не в силе, но в правде. А, истина такова, что коммунаки здохли, а мы и по се в живе. О, то и впрямь говорено «казачьему роду нет переводу». Так оно и случилось. Так выпьем же, господа казаки за жизнь нашу несломленную, выпьем, нальём и споём. —

Атаман выпил свою чару, крякнул. Уж больно крепкая оказалась чача.

– Ну, а теперь Николай, возьми баян и от души ударь по хроматизму. – Было ясно, что атаман кой – чего соображает в музыкальной грамоте.

Николай, уже далеко не молодой, но очень крепкий, о которых говорят «усадистый», казак взял баян, не спеша на плечи набросил ремни и рванул припев песни. Запел сам, сочным баритоном, блестя и улыбаясь глазами:

Вот кони грудью
Сминают ветер,
Вот ворон кружится
Над головой.
Нас не пугает
Ничто на свете,
Ни гром орудий,
Ни вражий бой.

И, все вместе, казаки грянули припев:

И, всплески сабель,
И, визг картечи,
Кубань помянет
И нас, с тобой.

Ну, что за удаль
Лихая сеча,
Ну, что за чудо
Казачий бой.

Мой конь буланный
Звения уздечкой,
Напрягся силой
И рвётся в бой.

Ты не покинешь
Товарищ верный
Мы породнились
Навек с тобой.

И, снова казаки ударили припев. А затем Володька продолжил: —

Отважный сотник
Лишь на мгновенье
Сверкнув улыбкой
Вдруг рявкнет в ус:
— Держитесь крепче

Вы в сёдлах хлопцы,
Мы защищаем Святую Русь.

И, снова все вместе припев, и далее выводит соло Володя:

Вы не рыдайте
Младые жёнки,
И слёз не лейте
Позадь крыльца.
Сегодня всем, вам
Стоять в сторонке,
Сегодня битва
У молодца.

И, опять все вместе, казаки ударили припев:

И всплески сабель,
И, визг картечи.
Кубань помянет

И нас, с тобой.
Ну, что за удаль
Лихая сеча,
Ну, что за чудо
Казачий бой.

Песня стихла и кто – то из казаков обмолвился: – Жаль места здесь, в комнате мало, а то б сплясали.

– Ну, сплясать можно – б было и во дворе. Да церковь рядом. Негоже перед святым домом выплясывать. В другом месте и в другой раз. А, сейчас просто попоём наши казачьи. И за здравие казачества выпьем. Да и по домам пора. Наши разлюбезные жёнушки и домочадцы поди уж заждались нас к семейному столу.

– Ото так, – согласно загудели казаки, поглядывая на Володьку, который снова взял в руки баян. И полились казачьи песни от души, и от сердца.

Тем временем, русоволосая синеглазая Тома подъехав к воротам дома посигналила. Из дома вышла женщина в годах, но ещё стройная и опрятная. Увидев гостью, она радостно вскрикнула и едва ли не бегом, кинулась отворять ворота.

– Уж, я так тебя ждала, так ждала. Что, думаю, так долго едете? Вроде бы должны уже дома быть. А всё нет и нет, – вздыхала пожилая с любовью целуя и оглядывая стройную внучку. – Вон, какая уже стала. Чисто невеста на выданье. —

– Рано ещё бабуленька. Мне ещё учиться и учиться. Да и не готова я ещё к семейной жизни. – отвечала внучка радостно улыбаясь.

В это время из дома выбежала девчушка лет шести в сопровождении молодой женщины и с ходу, не поздоровавшись, объявила:

– А, Тимка кашу ест, сам мультик смотрит, а мне мешает смотреть. —

– Да чем же он тебе мешают? – засмеялись женщины.

– Жуёт и ложкой по тарелке шкребёт, – беззаботно ответила девчушка.

– Как же тебя зовут? – притворно, будто не зная имени, спросила гостья.

– Анюта, – ответила девчушка и тут же задала вопрос сама: – А, тебя как? —

– А, меня Тома, или Тамара. Как тебе больше понравится, – ответила девчушка подхватив на руки девчушку.

– А, меня тоже зовут Аня и Анюта. Посмотри, какой у меня красивый бантик. Это мне бабуля заплела. – И она, повернув голову, показала крупный розовый бант, в форме астры охвативший кольцом на её макушке хвост рыжих волос, ниспадающих на спину крупными локонами. Её карие завораживающие глаза торжествующе оглядели окружающих. Взрослые заулыбались, а девчушка, сидя на руках продолжила:

– Ты, Тома, которая живёт в Москве? —

– Да. Я, самая и есть. —

Тут из дому вышел белёсый голубоглазый малец, неся в одной руке тарелку, а в другой ложку, и на ходу тихо и безостановочно повторяя: – каски, каски. —

– Ах, ты мой малыш. Сейчас тётя Тома почитает тебе сказки, – целуя мальчонку в обе щёки и в губы, щебетала девчушка.

– Да, не сказки он, а ещё каши просит, – засмеялась молодая женщина.

– Ну, давай Света води нашу гостью в дом. Она с дороги голодная и уставшая, – дружелюбно пробурчала пожилая.

– И, ничего не уставшая, хотя и немножко голодная. Подумаешь, два часа самолётом из Москвы и полтора часа на машине из Краснодара. Ну, и где ж тут оголодаешь особо. Или перетрудишься. Так, что и уставать – то не с чего, – успокаивая бабушку, и унося на руках мальчонку в дом, говорила Тома.

В доме было прохладно и после уличного жара девушке показалось, что они вошли в какое – то райское место.

– Ну, и жарко у вас тут на Кубани, – вздохнула Тома, усаживая малыша в кресло перед телевизором, где на экране всё ещё щебетали рисуночные герои.

– Ещё бы. Это не у вас в Москве. Всё дожди и дожди. Здесь всё – таки юг. Вон уж скоро белый налив поспеет. А, раннюю вишню уж и собираем, – отвечала баба Лена, накладывая и подавая тарелочку с недавно испеченными, но уже остывшими, оладушками Тиме. Тот даже и не глянув на бабулю, взял тарелочку, положил себе на колени, ухватил оладушек и не отрывая глаз от экрана телевизора, откусив чуть ли не половину стал задумчиво пережёвывать податливую съедобу.

– Давай – ка и мы хорошо перекусим. Деда ждать не будем. Он, там, в казачестве потрапезничает. Я, знаю. У них сегодня праздничный молебен, круг, а потом застолье. Так, что придётся тебе внучка за ним попозже съездить. А то, не дай бог, завернёт куда – нибудь в неудачную сторону. Всё – таки не молодой. Как бы какой неприятности не случилось, – слегка волнуясь всерьёз говорила баба Лена, накрывая на стол.

– Не волнуйся, бабуля, – успокаивала пожилую Тома, а за нею следом и дочь её Света, и даже маленькая Анюта.

– Он у нас знаменосец и с кинжалом, – продолжила Тома, усаживаясь за накрытый стол, во главе которого стоял литровый графин домашнего виноградного вина.

Выпив по маленькой рюмочке, все принялись не спеша кушать пельмени, потом после пельменей выпили ещё по рюмочке и заели приготовленным на пару, толстолобиком. А потом, после третьей рюмочки попили крепкого чая с вишнёвым вареньем прошлогоднего урожая и оладушками.

– Уф и наелась я, бабулечка. Спасибо тебе огромное за такую встречу. Только больше, я, так есть не буду. Не привыкла я к столь обильной трапезе, да и фигуру беречь надо. Нам, ведь, с Томой выступать на фестивале в Сочи. А, мы явимся как две коровы откормленные, – простонала Тома, черпая по капельке вишнёвую сладость из вареньици.

– Ну – ка, ну – ка, ну – ка, расскажи поподробнее, что это за фестиваль такой молодёжный? – заинтересовались баба Лена, со Светланой. И, даже маленькая Анюта, растопырила свои большие карие глаза и удивлённо приоткрыла ротик – вся внимание.

– Ну, в общем, дело конечно грандиозное, – начала объяснять Тома: – Президент России выступил с интересной инициативой, в дни двадцатилетия освобождения от большевистско – коммунистической диктатуры, то есть 19, 20 и 21 августа 2011 года, провести в городе Сочи фестиваль молодёжной песни и танца. Приглашаются все молодёжные коллективы России. Молодёжное движение «Раши» уже собирает благотворительный фонд и спонсорские средства на проплату дорожных расходов молодёжных творческих коллективов из удалённых городов России. А те, кто живут в европейской части России приедут за свой собственный счёт, плюс средства местных спонсоров. Соберётся в Сочи народу видимо – невидимо. Вот это будет фестиваль, так фестиваль. Песни, музыка, танцы, знакомства с неизвестными российскими ребятами и девушками. Мы, с Томой хотим попасть. Но, надо обязательно приготовить свой оригинальный песенный номер, или музыкально – инструментальный номер, или оригинальный танец. Пусть даже и на известный народный танец, но в современном молодёжном исполнении; – закончила девушка, увлечённо поблескивая своими синими глазами.

– Интересно ка – а – а – к, – увлечённо – мечтательно то ли прошептала, то ли пробормотала Светлана, с восхищением и детской завистью глядя на племянницу; – А, где ж, все жить – то будут? – с беспокойством в голосе вдруг спросила она. – Ведь народу – то понаедет, тьма. —

– Про то уже всё продумано. Партия «Свободная Россия» выделяет из партийного фонда средства на организацию палаточных городков и полевых кухонь для приезжих. Будут чётко определены места пребывания каждой делегации. Так, что не волнуйтесь. Всё будет как

по нотам. – уверенно и вдохновлённо закончила Тамара. – Главное, что мы привезём свои, нами сочинённые песни и исполним их. —

– Ой, внученька, хорошо – то как. А, что ж ты нам, со Светой не споёшь свои песни? Мы хотим послушать, – с мягкой настойчивостью потребовала баба Лена.

– Да, да, да хотим, – поддержала мать, Света.

– Ну, все песни, я вам петь не буду. Они секретны. Но одну выдам на растерзание. Слушайте – же и, критикуйте, – беря гитару, согласилась девушка.

– Мы, с Томой будем петь её на два голоса, но пока, я спою её одна; – настраивая инструмент, и уже деловитым тоном, внутренне собираясь объявила: – песня называется «Мерцает лунный свет в окне». —

– Про любовь? – с интересом, готовясь слушать, не утерпела Светлана.

– Ну, конечно же, про любовь. Неужто моя внучка станет сочинять какие – то тренди – бреньди – бредни? Для чего ж, тогда она на музыкального педагога учится? – горделиво ответила дочери баба Лена.

– Я, Анютку тоже в музыкальную школу сдам учиться. Пусть тоже будет композитором, – ласково глядя на малышку, мечтательно вздохнула Света.

Тома уже настроив гитару, села положив ногу на ногу и устроив инструмент, на классический манер, обыграв короткое вступление, запела: —

Мерцает лунный свет в окне
Ложась на матовые плечи.
Сегодня он, тебе и мне
Зажёг таинственные свечи.
Вдвоём остались, мы, опять,
Но, хмурит брови час свиданья.
И силюсь снова, я, понять,
Разлука то, иль расставанье.
А, вербы вешний звон
Сзовёт на богомолье
И радостную весть
Пошлёт во все концы.
Но, не для нас с тобой
В венчальное застолье,
Счастливо под дугой
Зайдутся бубенцы.
Но, не для нас, с тобой
В венчальное застолье,
Счастливо под дугой
Зайдутся бубенцы.
И, кто тому виной,
И, кто тому виной?
Упрямо ёжится трава
Твоих следов не оставляя,
И, тонут в ней мои слова,
Обидеть вовсе не желая.
Невольно тронула струну
И, вдруг мелодия возникла.
Но, лишь вдохнула плеск волны,
Как робкой нотою затихла.
Тебе б, не надо провожать,

И, я дорогою молчала.
И, расстаёмся мы опять,
Конца тому нет и начала.
Как нежно обнимал жасмин
И головой сирень качала.
Ну, почему ты вновь один
У одинокого причала?
А, вербы вешний звон
Сзовет на богомолье,
И радостную весть
Пошлёт во все концы.
Но, не для нас, с тобой
В венчальное застолье,
Счастливо под дугой
Зайдутся бубенцы.
Но, не для нас, с тобой
В венчальное застолье,
Счастливо под дугой
Зайдутся бубенцы.
И, кто тому виной?
И, кто тому виной?
Ты, сам тому виной.

Стих последний аккорд, а женщины все сидели и сидели словно онемелые.

– Ох, и влюбилась же ты де – во – о – нька, – с внимательной грустью вглядываясь в девичьи глаза пролепетала баба Лена. – И, кто ж это тебя так подкосил? Как зовут – то его? Откуда он и, кто таков? —

– Да, есть некоторые штатские противозы, – уклонилась от прямого ответа девушка.

– Хочешь выкинуть из головы, а не получается? – участливо спросила Светлана.

– И, не надо. Знаю, ты пустомелю не полюбишь. Знать парень хороший, коль так втрескалась, – твёрдо заявила бабуля.

– И, с чего ты взяла, что я «втрескалась»? И, ничего не «втрескалась», – попыталась было воспротивиться девушка. Но, по всему чувствовалось, что противостоять бабулиной уверенности, она не в состоянии.

– Ну, и ладно. И, не «трескайся», – любя рассмеялась та.

Бип – бип – бип... Гав... гав... гав ...гав ... – послышалось от ворот.

– Дедуля приехал! – заверещала Анютка и кинулась в двери.

– Вот тайфун с ураганом, смерч двуногий, – досадливо заворчала бабуля грозно, и быстрыми шагами пошла из комнаты. – Ещё не хватало ей где –нибудь лоб расшибить.

– Эт у неё, что столб поцеловать, – согласилась Светлана и все вместе пошли встречать приехавших.

Из «Победы» степенно, не спеша выползли дед Константин, и дед Геннадий. Первый приехал домой, а второй, чтоб поздороваться. Выскочившая из дому Анютка, вприпрыжку бежала к деду, раскинув в сторону руки и, с ходу вспрыгнула деду на грудь. Не обращая внимания на дедовы поцелуи выпалила:

– А, баба ладошки изжарила, —

– Что такое? Что случилось? Как изжарила? Чем изжарила? – встревоженно сыпал вопросами дед.

– А, ну – ка, покажь руки. Чем обожгла? – нетерпеливо дёрнулся дед Костя к вышедшей из дому жене.

– На, что тебе мои руки? – удивилась женщина.

– Покажи, где обожгла, —

– Кого обожгла? —

– Да руки ж свои, —

– Да ты, что дед самогонки объелся, что ли? – подозрительно глядя на деда произнесла она.

– Да вот же ж, Анютка донесла, что ты изжарила ладошки, – всё ещё ничего не понимая, настаивал дед.

– Тьфу ты, господи, бесёнок, – глядя на маленькую внучку рассмеялась баба Лена.

– Не ладошки, а оладушки испекла. Она ж ещё не всё правильно понимает, – глядя на внучку, всё ещё сидящую на руках, успокоила деда жена.

– Ах, ты ж моя сорока – трещётка. Эдак ты деда инфарктием наградишь, – успокаиваясь и что – то ещё бормоча, уносил он неугомонную внучку в дом. Следом вошли Геннадий и баба Лена. Дед Геннадий нёс в руке кейс, который и передал деду Константину, когда тот опустил Анютку на пол.

– Проходи к столу, садись дядя Гена. Угощать будем, – улыбаясь пригласила Светлана принося ещё один стул и ставя его к столу.

– Я, только на минутку. Выпью за ваше здоровье и поеду домой. Там уж верно заждались, – глядя на разносолы проворчал миролюбиво дед Геннадий и прочно сел на принесенный стул.

А дед Константин раскрыв кейс вынул янтарные бусы и глядя на жену улыбнулся:

– Ну – ка ходи на мой сторона. Чёй – то подарю тебе, – обратился он к ней. Та восхищённо глядя на подарок, молодой походкой подплыла к мужу и поправила причёску. Дед торжественно одел ей на шею бусы и поцеловал в щёку.

– Носи на здоровье. Да не забывай прикасаться к ним время от времени кончиками пальцев. Говорят, это прибавляет здоровья, —

– Спасибо любый, – благодарно прошептала жена и тоже поцеловала мужа.

– Ну, а это тебе дочка моя, – сказал он, раскрывая и подавая Светлане маленькую коробочку, в которой лежал перстенёк с жёлтым продолговатым, гранёным камнем.

– Ой, папочка. Но это ж наверное так дорого. Балуешь ты меня, – щебетала Светлана целуя отца и надевая перстень.

– А, как этот камень называется? – спросила она.

– Говорят, александрит, – ответил дед Константин, поворачиваясь к внучке Тамаре и доставая из кейса ещё одну коробочку.

– А, это тебе подарок, – и подойдя к ней, раскрыл коробочку. В ней лежали серёжки с голубым камнем. – Как раз под цвет твоих глаз; – уточнил дед Константин, целуя в щёку, совсем онемевшую от такой щедрости дочку.

– И, где ж ты дед такие деньги – то взял? – с подозрительностью в голосе спросила жена.

– Места знать надо, – делано суровым тоном, откликнулся муж улыбаясь одними глазами и поворачиваясь на голос внучки.

– А, мне чего? – с обидой в голосе, глядя на всю эту церемонию, воскликнула Анютка и заплакала.

– Да вот же, смотри какие, красивые, – воскликнул дед и показал маленькой внучке блестящую бижутерию; – смотри, ещё красивее, чем у бабульки твоей и мамульки, – говорил дед одевая девчужке бусы на шею, клипсы на ушки, браслетики на запястья.

Довольная Анютка погасила слёзки, заулыбалась и стала всем показывать свои «драгоценности». Подойдя к Тимке, она покрутила у него под носом своими браслетиками:

– Эха, эха, эха чё мне дед подарил, – хвалилась она перед братиком. Но тот невозмутимо жевал оладушек, не отрывая глаз от телевизора.

– Деда, а чё, ты Тимке купил в подарок? – с некоторым интересом выпрашивала она.

– А, Тимке вот это, – ответил дед, доставая из кейса пёстро раскрашенный бутафорский из пластмассы кинжал. Подойдя к внуку, он положил ему на колени подарок и шутливо сказал: – В набеги ходить будешь, как абрек. —

– Тьфу ты, дед. Ну, какие нынче набеги? Пацана чему учишь, – с досадой в голосе отзывалась жена.

– Как это, какие набеги? А, по огородам соседским? А, в казаки – разбойники поиграть? Такой кинжал на всё сгодится. Да, Тимка? – обратился дед к малышу. – Ну? Что молчишь зайка, будто в рот морковки набрал?

Тот, забыв про оладушек, ухватил подарок и подняв руку кверху с зажатым в кулаке кинжалом степенно произнёс:

– Вот съем оладушки и кашу, вырасту большой и всех материть буду. —

Мужики дружно зашлись в хохоте, а женская половина осуждающе глядя на мальчика, вздохнула:

– Это ж надо, кто растёт. —

– Дед ещё и не тому научит, – буркнула бабуля, махнув рукой.

– Истинный казачура, – довольно пророкотал дед, глядя на малыша. – Ну, а теперь все к столу. А, то Николка – Пароход заждался. —

– А, чё ж ты его не пригласил к столу? – встревожено встрепенулась жена.

– Приглашал. Да он отказался. Я, говорит, за штурвалом, – ответил дед, наливая в стопки.

– А, почему Николка, да ещё и «пароход?» – удивлённо заинтересовалась старшая внучка.

– Ну, во – первых, фамилия его Пароходов, во – вторых, он судовой механик, в – третьих, он двадцать пять лет ходил по Хатанге, есть такая река на Таймыре. Там он покорял морские просторы южного побережья Северного ледовитого океана, а теперь покоряет просторы северного побережья Чёрного моря. В – четвёртых, он и сейчас, хоть и на пенсии, а ходит в плавание, – пояснил дед, наливая по рюмкам.

Все выпили, закусили. Только Тома отказалась, сказав, что они с Томой идут в ресторан.

В ресторане «Кавказ» одном из лучших ресторанов Москвы, в отдельном будуаре за столиком на шестеро, персон, сидел мужчина и жевал. Он только что выпил стопочку водки, закусывая её тонко нарезанными пластиками малосольной стерляди. Его гладко обритая голова, за затылком превращалась в мощную шею и крутые плечи. Он внимательно вслушивался в звуки музыки звучащей в большом зале ресторана. Который больше был похож на мюзик – холл, нежели на зал предназначенный просто для еды и танцующих посетителей. Это был зал, в котором было место и для музыкальной эстрады, и для дансинг – группы танцующей под песни и музыкальные мелодии, и для бесчисленного количества столиков расставленных во второй половине зала, так как первая предназначалась для любителей потанцевать. Был и ряд кабинок – будуаров расположенных по обеим сторонам входа в зал. Кабинки с тяжёлыми, плотными шторами были предназначены для частных встреч тех посетителей, которые не желали «светиться» ни при каких обстоятельствах.

– А, сейчас ваш любимый романсiero, исполнит для вас, дорогие гости новый, еще не петый никогда и нигде, романс. Встречаем нашего любимого маэстро, – объявил ведущий и захлопал в ладоши, приглашая и остальных посетителей поприветствовать аплодисментами певца, который уже вышел из – за кулисы и кланяясь направился к центру эстрады. Это был хорошо всем известный мужчина лет 40 – 45, высокий, стройный, очень красивый для его возраста. Женщины его обожали, а мужчины завидовали и его красивому голосу, и его большим деньгам, а в тайне слегка ненавидели за его популярность и востребованность у женщин.

Раздались первые аккорды, мелодичный проигрыш гитары в стиле романса и кумир запел.

Мне в этом доме не забыться поутру,
За лёгкой шторой давно таится иней.
Бормочет кто – то в простудившемся саду
Полузабытое нащёптывая имя.
Куда, зачем уносит листопад
Пьянящих дней зеленохвойный запах.
Но, как и прежде, как и много лет назад
Качает снег, сосна в своих мохнатых лапах.
Вечернею порой...
Туман – обман, туман
Мне головы не вскружит,
Не ляжет пеленой,
В крутые берега.
По большаку вдали
Лишь ветер пылью выюжит.
Серебряной росы
Напрасно ждут луга.
По большаку вдали
Лишь пылью ветер выюжит.
Серебряной росы
Напрасно ждут луга.
В который раз часы вполголоса поют,
В кустах ворочается забулдыга ветер,
Нетерпеливо деревца заката ждут,
А, небосклон, увы, так долго – долго светел.
На яблони девишник ткёт фату,
И там, у фонаря за поворотом
Ломая иглы на стремительном лету,
Снежинки быются о тесовые ворота.
Я, помню этот сон.

Певец вновь запел припев, а посетитель в будуаре, прекратив жевать, стал внимательно прислушиваться к словам песни, ранее действительно им не слышанной.

Да, он не пожалел о том, что на встречу пришёл на час раньше. Он всегда так делал, чтобы в спокойной обстановке послушать чтимого им певца. И, теперь он был доволен тем, что одним из первых услышал новую песню.

Когда – то он и сам играл на танцплощадках, имел музыкальное образование, но лихие девяностые увлекли его совсем в другую сторону, далёкую от музыки. И, хоть он уже давно не играл, но любовь к музыке ещё не угасла в его ожесточившемся сердце. И, вот теперь слушая песню, ему так захотелось бросить всё, взять, как и прежде саксофон и красиво, чтобы восхищённо вздохнули все в зале, отыграть проигрыш этой песни. Но, увы, он пришёл сюда не затем. И, потому не оставалось ничего другого как сидеть и слушать берущую за душу мелодию и воображать, что и он сидит в этом замечательном ресторанном оркестре со своей «дудкой» в руках и играет.

Коней упряжку не торопит стремянной
Хоть обезумевшее сердце не на месте.
Осенней свадьбой разговорчиво – хмельной
Не углядели как умыкнули невесту.
Шаги затихли в горнице пустой,
На окнах тусклый отблеск неприветлив.

Мне в этом доме не просится на постой,
Чтоб залечить вконец надломленные ветви.

Я, в это дом не вхож...

Туман – обман, туман ... —

пел певец, а посетитель в будуаре, сидел, словно пришибленный не смея шелохнуться. Из оцепенения его вывели восторженные крики и бешенные овации посетителей ресторана. Они просили исполнить песню ещё и ещё, но певец сердечно раскланявшись удалился в боковую кулису, а его место на эстраде вновь занял ведущий, успокаивающе манипулирующий ладонями и объявляющий следующего исполнителя:

– Господа. А, сейчас, я хочу вам представить ещё совсем молодого, но уже восходящего звёздного кумира Егора Завьялова с его песней «Твоё маршрутное такси». Сейчас перед нами поэт, композитор и исполнитель собственных песен. Встречаем юношу, – и он захлопал приглашая это сделать и всех остальных присутствующих. Раздались редкие хлопки, а затем звуки танго и голос. Молодой, насыщенный и хорошо поставленный.

Обидно мне, но видно так

Упала карта, не иначе.

Попал немедля я впросак,

Когда поставил наудачу.

И, замер изумлённо зал,

Блистая подзабытым шиком.

Я, «даму вини» ожидал,

Я, «даму вини» ожидал.

А, выпала мне «дама пики».

Твоё маршрутное такси

Заманит все мои печали, —

пел молодой голос, а посетитель в будуаре заинтересованно вслушивался и что – то про себя бормотал, словно повторяя за ним слова песни.

И, унесёт их прочь от земли

С собой в заоблачные дали.

А, следом вешняя вода

Неудержимым половодьем,

Омоет душу навсегда,

На все остатные года.

То, журавли мне прокричали

– Всё прости и не грусти,

Не грусти, не грусти,

Не грусти ... —

И, кто заранее бы знал,

Что платежом поступок красен.

И, вот волнуется вокзал,

И, путь мой безмятежно ясен.

Осенний лес золотым листом,

С лихвой мои долги оплатит.

И, пусть наперебой потом

Ростовщики, о мне судачат.

Твоё маршрутное такси, – ...

вновь запел припев молодой голос, а посетитель в будуаре промолвил:

– Да – а... Этого парнишку надо не упустить. Благо и повод есть к тому. —

Тут шторы будуара мягко распахнулись и в кабинет к нему вошли ещё двое. Одетые с шиком. С уверенным в себе взглядом. Они, по очереди, поздоровались с сидящим здесь. Он приложил палец к губам, кивнув головой в ту сторону, откуда доносилась песня, и жестом пригласил их сесть к столу, с заранее приготовленным явством и питьём. Вновь прибывшие сели за стол и сделали вид, что внимательно вслушиваются в слова и мелодию песни. А, голос пел:

Я, браги сладкое хмельё
Подзакушу седой крапивой,
Или смолистою хвоей,
Да не в обиду будет ивам.
Твоё, бодрящее всегда
Коснётся щёк моих, дыханье
Я, знаю, больше никогда
Нас не постигнет расставанье.

Вновь слышался припев, а первый посетитель стал разливать по рюмкам водку. Все трое подняли стопки.

– За вот это новое дарование. За восходящую звезду, – торжественно произнёс Первый и все трое залпом опрокинули спиртное в рот.

– Будем его спонсировать на Сочинский фестиваль молодёжной песни и танца. Отрекламируем себя как непревзойдённых меценатов. Это поможет отвести от нас всякого рода дурные помыслы властей, а заодно откроет нам официальную дорогу на фестиваль. Мы должны быть там и должны контролировать ситуацию. Дело слишком важное, чтобы его можно было кому – либо доверить. Что с «крахмалом»? – закончил своё вступление Первый.

– С «крахмалом» всё о кей. Из Америки придёт в Грузию. Оттуда через перевалы Панкиси и Кодори, в Ставрополье и Краснодарский край. Там временно отлежится и в нужное время прибудет в Сочи. Детали позже, – ответил один из вновь прибывших.

– Зачем так сложно? – спросил Первый.

– Многоканальный путь надёжней. Несколько потоков гарантируют прибытие на место хотя бы части груза. А, это не так уж и мало. Весь груз всё равно не доставим на место. Будут обязательные потери. И, это мы учитываем. Пути доставки, количество груза в каждой партии, средства доставки и прочие мероприятия уточню при следующей нашей встрече, – ответил тот же самый.

– Ну, а что у тебя с «пиротехникой»? – обратился Первый к другому пришедшему.

– Тоже всё в порядке. Так же, из Америки, эмиссаром Аль Кайды, привезён будет спецрейсом ВМС США наш груз. Там же в Грузии его расфасуем по партиям и через перевалы Кавказского хребта с дельтапланеристами и авиамоделями беспилотниками перебросим в условленные места на Ставрополье и в Краснодарский край. Наши доверенные люди примут груз и оттранспортируют его в Сочи. Часть груза, таким образом, уже получена и ждёт своего часа на месте, в схронах, – отчитался опрашиваемый.

Первый помолчал и затем, оглядев подельников, мрачно промолвил;

– Срыва мероприятия не должно быть. Нам необходимо добиться своего. Народ недоволен, ропщет. Политика Президента и его команды по части либерализации и гуманизации, ведёт страну в тупик. Экономика дышит на ладан, торговля хиреет, покупательная способность населения падает, власть придержащие, закатив очи, поют аллилуйю собственным эфемерным достижениям. Мирового кризиса, о котором так долго говорят большевики нет, и не было. Это отвлекающий манёвр властей с целью остаться у кормушки по возможности долго. Нужны твёрдые и решительные действия, чтобы дискредитировать этих тихушных узурпаторов, сместить их и установить твёрдую и жёсткую власть. Власть настоящих денег. Только тогда экономика, а значит и страна расцветёт. Вот за это и выпьем друзья. —

Первый поднял стопку водки. Это же сделали и двое других. Чокнулись. Выпили. Стали молча закусывать.

Во всё время тайного совещания, в зале звучала танцевальная музыка. В тиши кабинета была слышна слаженная работа музыкальных инструментов, шарканье танцующих ног, приглушённые голоса. Но, вот музыка смолкла, и снова раздался голос ведущего:

— Господа. На сцене вновь наш молодой кумир Егор Завьялов, с ещё одной своей совершенно новой песней. Встречайте господ. —

Раздались восторженные аплодисменты, говорящие о том, что молодой автор и исполнитель собственных песен пришёлся публике по вкусу. Раздались щелчки по малому барабану, задающему ритм, и в зал плеснулась зажигательная мелодия самбы. После недолгого оркестрового проигрыша вступил молодой голос.

Отплясался полуденный дождик, ну как мальчишка,
По асфальту, по лужам, по листьям и на окне.
И помчался по мокрым проулкам босой лгунишка,
На бегу обещая всем радугу, но не мне.
Повстречал я недавно знакомую мне девчонку,
Словно утром ударил по крыше весенний град.
Она скромно, потупивши очи, прошла сторонкой
И, теперь ошалелому, нет мне пути назад.

В зале хмельные партнёры старательно пытались изобразить танец в стиле «латино», но танцевать самбу они не умели и лишь вихляли бёдрами, да мешали друг другу. Зато неизменно стройные девчонки дансинг-группы, в одних лишь сверкающих плавочках, бюстниках и коронах из павлиньих перьев двигались на высоких каблуках так, будто всю жизнь прожили в Рио — де — Жанейро, с пелёнок участвуя в национальном карнавале.

Первый, не утерпев, распахнул шторы будуара и все трое жадно слушали и внимали.
Сыплет солнце на дорогу
Золотисто тёплый свет,
Все, судачат понемногу
Мол, любви на свете нет.
А, черёмуха за окнами
Нежданно расцвела,
И печаль в душе заблудшей
Словно не была.
А, черёмуха за окнами
Нежданно расцвела,
И, печаль в душе заблудшей
Словно не была.

Трубы и флейта, словно раздухарившиеся соловьи свистели и стрекотали где — то на верхних нотах, струнники метали искры латиноамериканских наигрышей, в чём — то схожих с цыганскими переборами, палочки барабанщика металась по тарелкам, том — тому, бонгам, а «чарльстон» одурело джмякал и шлёпал вызывая восторженный визг танцующих посетителей.

Нарвала в палисаднике чудный букет ромашек,
Искупала, с улыбкой, его в дождевой воде,
Не видал, я девчонки милее её и краше,
Мне девчонки такой, не сыскать и вовек нигде.
Как поведать, с какой безнадёжностью, я влюбился,
Что неведомой силой желания, я пленён.
Круто мир мой с внезапною силою изменился,

А, часы и минуты не дремлют когда влюблён.

– Да – а – а ..., – промычал Первый, – этого парня обязательно надо захомутать. Он будет нашим самым надёжным прикрытием, – объяснял своим компаньонам вожак. – Сейчас же к нему в оркестровку зайду с предложением, – под припев песни закончил он. А, голос исполнителя продолжал:

Ну, зачем, ну, зачем ты упрямо отводишь взоры

Знаю, знаю про то, что глаза твои синий лён.

Как сказать мне о том, что внезапно я, в эту пору

Лишь в мгновение одно, потерял и покой, и сон.

Надо ждать и надеяться хоть на какое чудо.

Под окном её стану упрямо рассвет встречать.

Пусть я чайкой смешной, однокрылой безумною буду.

Моё сердце теперь ни за что не заставишь молчать.

Сыплет солнце на дорогу

Золотисто тёплый свет... —

пел припев юноша, явно завершая исполнение, а трое в будуаре с раскрытыми шторами стояли, совершенно забыв, что «светиться» им вовсе и не надо было бы. «Сигуранцы» не дремлет. Но, такова сила искусства, а песенного в особенности. И, когда песня действительно заслуживает внимания, человек забывает о том, что он есть и, где он находится. Так случилось и с этими тремя, уж очень хорошо известными в Государственной Думе, деятелями. А, точнее, депутатами.

Раздавшиеся неистовые аплодисменты «переходящие в овации» встряхнули далеко не святую троицу и они как – то уж очень не по солидному суетливо вернулись за стол, к своим рюмкам, тарелкам, икре и прочей снеди.

– Ну, что господа, промычал, ещё не пришедший в себя от песни, Первый. Будем прощаться. Вы как знаете, а мне ещё к этому певучему хлопцу зайти надо с деловым предложением. Встречаемся первого июля, здесь же. Чтобы к этому времени, в основном всё было готово. Приведёте тех, кто непосредственно на местах будет заниматься, задуманными нами, мероприятиями. Сами понимаете, от успеха будет зависеть наша свобода или ... «динь – бом, динь – бом слышен звон кандалный, динь – бом, динь – бом путь сибирский дальний, динь – бом, динь – бом слышно там и тут, нашего товарища на каторгу ведут», – с издевкой пропел он выкладывая на стол три стодолларовых купюры. Поднялся, пожал руки двум остающимся и вышел из кабинета.

В «музыкалке» на стульях сидели двое – Егор и его друг и коллега балетмейстер, руководитель и постановщик танцев дансинг – группы Алёша Пятницкий.

– Ну, что, – допытывался Алёша, – не пишет и не звонит? —

– Нет, – как—то уж очень спокойно ответил Егор, перебирая струны гитары.

– Да – а – а – ... казачки кубанские они такие, – сочувственно протянул Алёша не зная чем ещё утешить друга.

– А, ты – то откуда знаешь, какие они. Что тоже обжётся? – с улыбкой парировал Егор.

– Да откуда ж мне знать. Эт, я так, к слову. Чтоб тебя утешить. А, то ты весь как увядший мандарин. Смотреть не хочется, – участливо глядя на друга, пробормотал Алёша.

– Да мне и самому на себя противно смотреть по утрам. Так бы и дал по носу, чтобы в себя прийти, – ответил Егор джмякнув по струнам.

– Что, и на звонки не отвечает? – вновь допытывался Алёша.

– Сразу отключает «сотик», как увидит кто звонит, – с грустью отозвался Егор, благодарно глядя другу в глаза. – И всего – то делов, что выпью грамм стопятьдесят после работы. А, ей, видите ли, вообще, не пей. Тоже мне борец с пьянством и алкоголизмом, – досадливо скрипнув стулом, глянул, на бутылку с коньяком стоящую на столе, Егор.

– А, ты знаешь что? Возьми, да и закрути роман с какой –нибудь красавицей из моей танцевальной группы. От чего заболел, тем и лечись. Клин, клином вышибают. И, потом. На твоё творчество такие переживания очень плохо влияют. Ты ничего не пишешь и не сочиняешь. Эдак, ты скоро всем надоешь с одними и теми же, пусть и талантливыми, своими песнями. Надо работать, работать и работать, как говорил наш великий русак Михайло Васильевич Ломоносов, – патетически закончил свою речь Алёша.

– Это когда он говорил? – удивлённо глядя на друга, спросил Егор.

– Не знаю когда, не знаю где, не знаю кому, не знаю зачем, но говорил. И явно не тебе Егор, который с высоких гор, – ухмыльнулся по доброму Алёша, – знаю только, что работа от всего лечит. Даже от безнадёжной любви. Ну, давай, наливай, а то фуражка болит, – кивнул он на початую бутылку коньяка. Егор потянулся, взял бутылку налил Алёше и себе грамм по сто, и протянул стакан другу. Они чокнулись, выпили стали закусывать дольками разрезанного апельсина, а следом ветчиной, хлебом и квасом, невесть откуда взявшимся здесь. Едва Алёша потянулся к бутылке, чтобы налить ещё коньячку, как дверь «музыкалки» отворилась и вошёл мужчина лет пятидесяти пяти с гладко выбритой головой и лицом, в великолепном костюме и, с таким же великолепноуверенным выражением всей своей наружности.

– Вот тебе и яйцеголовый, хотя и почитатель твоего таланта, – в спокойствии духа пробурчал Алёша, как бы вполголоса. Однако пришелец, на удивление, не обиделся, а даже наоборот, улыбнулся и вежливо поздоровался за руку с обоими.

– Надеюсь, я вижу перед собой своих кумиров? – вежливо метнул «леща», гость. Вы, Егор Завьялов. Талантливый автор и, талантливый же исполнитель своих собственных песен. И не пытайтесь возражать. Я закончил консерваторию имени Петра Ильича Чайковского по классу флейты. И, уж поверьте, кому, как ни мне знать, что такое хороший звук и чудесная мелодия. О стихах ваших, я уже и не говорю. Они выше всяческой похвалы. А, вы – обратился он к Алёше, – талантливый постановщик танцев к песням Егора, Алексей Пятницкий. И, фамилия – то у вас, какая знаменитая. —

– Знаю, знаю, – перебил его Алёша, – только я, к основателю русского народного хора имени Пятницкого, не имею никакого отношения. Смею вас разочаровать в этом – с .... Да – с..с..с.. —

Пришелец же, только вновь мило улыбнувшись, продолжил:

– Дело в том, что ровно через три месяца, то бишь 19, 20, 21 августа сего года в курортном городе Сочи, в честь избавления России от коммунистического ига, состоится фестиваль молодёжной песни и танца. И, мне очень бы хотелось, чтобы вы, оба моих кумира, блеснули своим талантом на этом празднике жизни. Всё финансирование вашей поездки и непосредственного вашего участия в этом фестивале – карнавале, я оплачу со своих личных счетов. Ну, так как? Уразумели, что я вам предлагаю? С вашей же стороны только «да» или «нет». Впрочем, ни о каком отказе от моего предложения, не может быть и речи. Я, уверен, вы согласитесь. О вас, с вашим шефом, я вопрос решу. Место в этом элитном ресторане останется за вами. И вы, после блиц – турне, с триумфом вернётесь к своим почитателям и фанатам. Я, не слышу оваций господи мои кумиры и восторженных криков «браво» и, даже «брависсимо». В общем на размышления у вас не больше месяца. Через месяц вновь буду у вас здесь в гостях и вы мне сообщите о своём решении, в котором я нисколько не сомневаюсь. Будем здоровы, – закончил он, без разрешения налив себе коньяку из чужой бутылки и залпом выпив рюмку.

Когда он удалился, Алёша, удивлённо глядя на Егора, выдохнул: – Ну, дела. Ты понял, что он нам предлагает? Он нам предлагает триумфальную дорогу на большую эстраду. Ты как хочешь, а я ни за что не откажусь от его предложения. И хватит киснуть. Соберись со своим мужским духом и выдай мне через неделю шедевр, к которому я, через неделю, поставлю танец. А, через месяц, мы этому меценату выдадим «потряс» в готовом виде, да ещё и в шоколадной упаковочке. —

– Зачем же через неделю. Могу кое – что выдать и сейчас, – улыбнулся Егор.

– Ну – ха, ну – ха, ну – ха?!?! – заинтересованно заёрзал на стуле Лёша.

– Только не думай, что песня готова полностью. Слова ещё не все, кое – где промычу, но мелодия по – моему, уже готова. И, вот слушай. Начну с припева, – и Егор отыграв вступление запел. Алёша сидел, слушал и глаза его, делались всё шире и шире. Наконец не выдержав он вскочил и стал как – то странно приплясывать, находя более или менее нужные движения. Ясно было, что рождается новая танцевально – песенная картинка, которая нравится обоим, отчего они, всё более загораясь входили в творческий раж.

– Ну, вот. Я знал, что скоро ты, что – нибудь выстрадаешь. Как хорошо, что на любовном фронте у тебя одни поражения. Именно поэтому на творческом фронте у тебя одни победы, – восхищаясь другом и его новой, пусть и не законченной ещё, но явно «хитовой» песней, воскликнул Алёша остановившись, – С завтрашнего дня и начнём. Но, лишь только под одну мелодию. Слова должны остаться в секрете. Идёт? —

– Идёт, – с удовольствием согласился с ним Егор. В это время зазвонил его телефон и Егор, как – то уж очень торопливо ухватил «сотовый» лежащий перед ним на столе.

– Алё, Василич. Ну, ты идёшь сегодня на репетицию? Мы уже собираемся, а тебя всё нет, – раздался в трубке голос руководителя духового оркестра.

– Да, разве ж сегодня занятия? – удивился дед Константин.

– Конечно сегодня. Ты что забыл? Ведь договаривались же перенести репетицию с четверга на пятницу. Ну, ты даёшь, – недовольно пробурчал в трубке голос. —

– Тьфу ты, склезол проклятый. Вроде и годов – то мне за шестьдесят с хвостиком, а уже ничего не помню. Надо бы головку – то подлечить, однако, – в задумчивости пробурчал дед Константин.

– Эй, эй. Ты смотри, до репетиции ни – ни. А то ведь нам сегодня надо разучить марш на темы песен кубанского композитора Захарченко. 1 июня «День защиты детей». Вот на этом празднике и сыграем. Так что ни грамма до репетиции, – прозвучал в трубке встревоженный голос музыкального шефа.

– А уж это как получится, – ухмыльнулся дед Константин, предусмотрительно выключив заранее телефон. – Это вам надо разучивать. А мне – то просто «с листа прочитать». Так что, грамм, ни грамм, это лишь вопрос двух десятков минут. И «Золушка» по пути, кстати. Уж, чекунец – то мы, всяко разное оприходуем. Бабуля – кликнул он в дальнюю комнату, – Я, на ре – пэ – тэ. Пока. —

– Долго будете заниматься? – задала привычный вопрос жена.

– Часа два, два с полтиной, не больше. Детский праздник скоро, всё-таки. наших хомячков тоже сводим. Пора и им уже приобщаться к народной культуре, – пояснил дед выходя на улицу.

Десять минут хватило для того, чтобы дойти до «Золушки», взять чекушку водочки «Юг Имperiал». Ещё десять минут на то, чтобы принять сию микстуру, войти в фойе Дома Культуры Нефтяников. Здесь уже были слышны звуки духовых инструментов, на которых проигрывали гаммы музыканты. Константин не спеша поднялся по лестнице на второй этаж и вошёл в музыкалку.

– Хо, хо. Прюфет, – первым приветствовал его барабанщик Витёк, поскольку сидел к двери ближе всех. Они пожали друг другу руки в приветствии и Константин пошёл по кругу пожимать руки в обычном ритуале. Когда процедура рукопожатий была завершена, Константин нырнул в инструментальную комнату, взял свой корнет, пюпитр, полиэтиленовую сумку с нотами и усевшись на своё рабочее место быстро всё приготовив к репетиции принялся «раздувать» гаммы перед игрой. Наконец, руководитель самодеятельного духового оркестра отмахнув рукой все свистящие, мычащие, рывкающие и хрюкающие звуки сказал: – Открыли

марш на темы песен композитора Захарченко. Он наш кубанский композитор и мы, должны на празднике играть это произведение. —

Все дружно стали искать в кипах своих нот этот марш, старательно укладывая его на пюпитры и сливать на пол конденсат из своих дудок. Наконец, руководитель – трубач сказал: – Всё. Даю счёт в два такта и поехали. Раз – два, раз – два. —

Оркестр дружно грянул вступление марша и дальше сам марш. Отыграв его полностью со всеми репризами и вольтами, сенио и фонарями, со всеми цифрами и не остановившись ни на чём, дойдя без ошибок до конца, оркестр так же громогласно закончил, как и начал.

Вдруг все оживились, заговорили и только Санька – альтист, взяв ноты, пошёл к руководителю.

– Серёжа, – обратился он к шефу, – у меня два такта лишних.

– Давай посчитаем, – охотно откликнулся тот.

Они стали считать и пересчитывать такты, а в это время, кто продолжил разговор о взошедшей картошке, кто продолжил дудеть, а Константин с Витьком улизнули покурить.

– Витёк, займи «стольничек» до пенсии, – с ходу попросил Константин, едва прикурив.

– Да, нет проблем. А успеешь за перерыв? – ответил Витёк.

– Так, чё – ж не успеть. «Золушка» вот она, под носом. Щас, мухой туда – сюда, не успеешь и глазом моргнуть, я как маленький Мук, уж тут как тут, – взяв «сотню» кинулся по лестнице Константин. Едва выскочив, он чуть не столкнулся с Геннадием, входившим в ДК.

– Ты где был, змей? – дружески обрушился он на входившего: – Я, у людей «стольник» занимаю, а тебя хрен по деревне носит, не сыскать. Давай, пока они там паузы ищут, сгоняем побыренькому в «Золушку», да откушаем. Время есть, – возбуждённо закончил фразу Константин.

– А, зачем в «Золушку» гонять? Вот она родимая, – и Геннадий вынул из кармана бутылку ёмкостью не меньше чем 0,7 литра, – Чачечка, мучачека, родименькая, – пропел он и пожал руку своему другу.

– Ну, тады идём ре – пети – пети – ро – вать, – хмыкнул Константин и они в весьма восторженном настрое опять вошли в ДК.

Пройдя первое фойе, они вошли во второе и степенно зашли в умывальник.

Геннадий, вынув бутылку с чачей, пластмассовый стаканчик и нарезанный солёный огурец в полиэтиленовом пакете, сунул стакан в руку Константину и налил чуть ли не полные стопятьдесят грамм,

– Вперёд на винные склады, – бодро напутствовал он друга, и приняв опустошённый стакан сунул следом пакет с огурцом. Константин, крякнув от крепости выпитого, ловко выудил кружок солёного огурца и захрустев им, с трудом выдавил из себя: – Ну и наиграю же я сегодня. Двестипездсят, я уже завалил до тебя. Думал не придёшь на репетицию, а скучать одному не хотелось. —

– Да, я и не думал приходить, но как раз чача поспела, вот и решил дать тебе продегустировать. Ты же лучший сомелье по чаче. —

– Эт, точно, – захмелев, кивнул головой Константин.

– Может, ещё нюхнёшь? – по доброте душевной предложил Геннадий.

– Да, ты что? Я, ж не лошадь, мне и ведра хватит, – решительно отказался Константин.

– Ну, тогда и я хряпну, – отозвался Геннадий, наливая себе двухсотграммовый стакан чуть ли не до самого края. Выпив махом стакан, он сунул пальцы в пакет, уцепил кружок огурчика, метнул его в рот и аппетитно захрустев, промычал: – Ну, а теперь пойдём на улицу, покурим и можно репетировать. – Выкурив по сигарете, они вновь вошли в ДК и пройдя по первому фойе поднялись по лестнице на второй этаж, где была «музыкалка».

– О! Вот они огурчики, – увидев хмельных вошедших, удручённо воскликнул руководитель оркестра трубач Серёга, – А мы тут голову ломаем, куда это ты, дядя Костя, запропастился. —

– А, я вот за Генчиком сгонял, – и он с улыбкой глянул на друга. Тот кивнул в ответ головой и молча пошёл в инструментальную комнату за тубой, нотами и пюпитрой. Достав всё это, вошёл в оркестровку, сел на своё место и стал раскладывать своё музыкальное хозяйство. Константин, сев на своё место и взяв трубу, поинтересовался, – Ну, что нашли пропавшую грамоту? —

– Да, вроде нашли, – ответил кто – то сквозь мешанину музыкальных звуков издаваемых чуть ли ни всеми имеющимися инструментами.

– Ну, тогда поехали, – подытожил руководитель объявив в наступившей разом тишине, – марш «На страже мира». Женя давай счёт. —

Малый барабанщик Женя, парень весьма высокого роста, отстучал два такта вступления и оркестр дружно грянул. Всё шло хорошо, даром, что народный духовой оркестр. Однако в третьей части марша опять, что – то не заладилось. Все это услышали, но прерываться не стали, доиграли до конца и только тогда руководитель вновь спросил альтиста Сашу: – Какие – то проблемы? —

– Проблем нету, – и он поднявшись подошёл к Виктору играющему партию второго тенора. Они вполголоса стали о чём – то переговариваться, потом опять стали считать такты. Все терпеливо и привычно ждали. Благо эта картина повторялась из репетиции в репетицию и потому, уже никого не удивляла.

Константин, понемногу хмелея, чтобы как – то взбодрить себя, вполголоса спросил у рядом сидящего корнетиста Петровича, – Что они там всё ищут? —

– Человеческий фактор, – ответил тот и заметив в глазах Константина хмельной блеск, добавил – Ну, как чача?

– Класс, – ответил Константин, – на перерыве попробуешь. У Генчика ещё полбутылки осталось.-

– А, ты чё, не будешь? – так же вполголоса спросил Петрович.

– Не – е... Я уже изрядно откушавши, – покрутил головой из стороны в сторону Константин.

– Ну, что Эзоп, нашёл утерянное? А, то ведь, пора бы и на перерыв, – подал бодро голос Петрович в предвкушении приятного перекура, хотя сам – то и не курил вовсе.

– Идите, перекурите, – милостиво позволил руководитель Серёга, – пока этот кладоискатель будет искать то, чего и не терял вовсе, – закончил он.

– Днём с огнём не найдёт, – хмыкнул Константин снимаясь со стула и направляясь вслед Петровича и Геннадия, уже исчезнувшего за дверью ведущей из музыкальной студии. В умывальник они не пошли, а здесь же на площадке второго этажа перед дверью, ведущей на балкон скучковались и Генчик, наполнив стакан чачей, протянул его Петровичу: – Пей.-

– А закусь? – поинтересовался Петрович, и тут же запустил пальцы в пакетик с заветной закусочкой. Захрумстев огурчиком, кивнул на Константина, сказал, – Может хватит ему? А то ведь ещё целый час репетиции, – на что Константин решительно возразил.

– Не – е... грамулечку, я себе ещё позволю. —

– Ну, тогда контролируй сколько тебе налить, – спокойно прооручал Генчик наклоня горлышко бутылки над протянутым стаканом.

– Во – во, хорош. Только так, нюхнуть, – остановил тонкую струйку чачи на уровне одной четвёртой стакана. Константин с трудом выпил даже и эту малую дозу.

– О! Тебе уже действительно, хорош. А то ещё чего – нибудь, не в ту степь, наиграешь, – заботливо проворчал Генчик наливая Петровичу. Тот, согласно кивнул головой и резко выдохнув воздух, опорожнил стакан без всякой заминки. Пока Генчик выпивал свою дозу горячи-

тельной микстуры, Петрович выудил кружочек огурчика, и захрумстел, довольно посапывая. Они выкурили ещё по сигаретке, затушили бычки и бросили их в тут же стоявшую урну для мусора.

– Господа «духовенство», мы вас ждём —с, пождём с утра до ночи не смыкая инда очи, — заговорил руководитель Серёга стихами едва физиономии исчезнувшей троицы нарисовались в дверях «музыкалки».

– А, мы, вот они, — поспешил успокоить его Геннадий, а Константин, обратившись к своему заимодавцу Витьку-барабанщику, вернул ему «сотню» со словами: — Спасибо дорогой, извини что побеспокоил. Но тут выпал другой вариант и она автоматически сэкономилась. До следующего раза, — лукаво улыбнувшись, закончил он.

– Ну, всё. «Пропавшая экспедиция» нашлась, работаем дальше. Открыли марш «Дар Екатерины» — подытожил факт руководитель, и все дружно зашуршали нотами, стали издавать пробные звуки, а руководитель постучал дирижёрской палочкой по пюпитре.

– Женя давай счёт, — обратился он к малому барабанщику и тот, отстукав два пустых такта, запустил оркестр. Марш игрался легко и привычно, не вызывая никаких остановок и недомолвок. Дружно и бодро прозвучали последние такты, и в оркестровке наступила тишина.

– Ну, этот марш у нас идёт без нареканий. Тем более играть его будем на улице, так что вопросов относительно исполнения этого марша у меня к вам не имеется, — довольный тон руководителя дал понять, что это музыкальное произведение исполнено было на должном исполнительском уровне.

– Теперь примемся за лирическую часть нашего близкого уже выступления перед зрителями и слушателями, а посему открываем наш лирический репертуар «Кумпарситой», — продолжил перечислять репертуар руководитель.

Но, тут баритонист Серёга как — то скромно произнёс, — Серёжа, с ней тренироваться надо. Я, ещё не очень уверенно её играю, —

– Ну, так тренируйся в свободное от оркестра время. Приходи один и занимайся сам — на — сам, — спокойно порекомендовал руководитель. А, Константин поправил его: — Музыканты не тренируются, а репетируют. —

– Особенно в литробол, — съязвил в ответ на реплику баритонист Серёга. Все довольно захмыкали, а кое — кто даже захихикал. В ответ Константин слегка уязвлённый пробурчал: — Тренируйтесь, тренируйтесь. Я, то, репетировать буду. —

И, действительно. Ноты «с листа» он читал хорошо. Исполнительской техникой обладал внушительно и, потому с исполнением музыкальных произведений, и с их разучиванием, у него проблем не было. Быть может, именно поэтому он частенько приходил на репетиции то слегка выпившим, а то и изрядно «откушавши». Чем вызывал неудовольствие руководителя. И, если бы на ответственные выступления он приходил не трезвым, то руководитель наверняка, давно бы попросил его из оркестра. Но, слава богу, ума у Константина ещё хватало не срывать игру оркестра на городских и выездных мероприятиях.

Вообще — то, большая часть оркестра пенсионеры по возрасту, а потому и дисциплина в оркестре далеко не казарменная, скорее «семейная», избавленная от взысканий, а тем более наказаний. Их, музыкантов — духовиков и без того по России осталось раз — два и обчёлся, да ещё если и меры дисциплинарного взыскания применять к ним, то духовых оркестров можно быстро лишиться вообще. Культработники отвечающие за существование самодеятельных коллективов хорошо понимали эту ситуацию и потому сквозь пальцы смотрели на мелкие «грехи» и «грешки» участников самодеятельного народного творчества. Тем более, что «недочёты» эти, были чисто условного свойства. Так и велось. Участники делали вид, что «шалют», а культработники делали вид, что не замечают этих «шалостей».

Наконец, сыграли и «Кумпарситу». И «Рио Риту», и вальс «Над волнами», и мелодию песни «Веселья час» из фильма «Зимний вечер в Гаграх», и «Чёрное море моё» и ещё многое из того, что когда – то, в далёкой молодости было любимым и незабвенным не только для самих музыкантов, но и для миллионов советских поклонников музыки, попросту меломанов. Наконец, руководитель объявил окончание репетиции, сбор на генеральную репетицию 31 мая, заранее настойчиво уведомив о том, что 1 июня оркестр должен обеспечить своей игрой проведение детского праздника «Дня защиты детей». А, потому на репетиции должны быть все, как один и, как штык, иначе... Что означает это самое «иначе», он не разъяснил, но добавил, – Только попробуйте – и при этом многозначительно посмотрел на Константина, Геннадия и Петровича. – Кстати, Николка – пароход, тоже должен быть на репетиции 31 мая. Где хотите его берите, а доставьте живым и трезвым —

– А, чё, его, «где хотите». Он на «диких ваннах» ревматизм свой отмачивает. Там и возьмём его, ещё тёпленьким. Мявкнуть не успеет. Скажи Генчик? – пообещал Константин, укладывая в футляр трубу. Генчик уверенно кивнул и тоже унёс свою трубу в инструменталку. Вышли из ДК всем оркестром, там, на высоком крыльце пожали на прощание друг другу руки и стали расходиться в разные стороны.

– Ну, что? – спросил Геннадий, – Ещё позволишь себе? Грамм несколько будешь? —

– Костя ещё будет, о – ё – ... ёй, – уже наполовину протрезвевший, дурашливо вполголоса пропел Константин: – Ну, наливай.

Опять забулькало в стакан, но уже остатки по половиночке каждому, захрустели в зубах огурчики, задымили сигаретки и Геннадий сказал – Ну, айда провожу тебя до дому. —

В это время, где – то в кармане заверещал «сотовый», оба кинулись шарить в карманах, но звонили только Константину. Едва он взял «трубку», как затрещал телефон у Геннадия. Тот тоже выудил телефон из кармана и оба они, отвернувшись друг от друга и отойдя несколько в разные стороны стали переговариваться. Ясно, что это звонили их жёны, тем самым контролируя местонахождение своих мужей. Их вопросы были абсолютно одинаковые.

«Ты где?», «Скоро придёшь?» и, обязательное, «Нигде не задерживайся. А, то я волноваться буду».

Отговорившись, Константин в сердцах воскликнул – Ну, вот на фиг мне этот «ГЛЯ-НАС» – это всевидящее женино око? —

– Точно, – поддержал его Генчик: – Взять ентон «матюгальник», шарахнуть им об столб, а жене сказать, дескать, «шёл, споткнулся, упал, потерял сознание, очнулся», телефон вдребезги и без «права» на ремонт. А, там когда ещё решиться купить. Пенсия – то смешная у нас. Хоть мы всю молодость и отработали на Крайнем Севере. —

– Да и не только молодость, а до самой пенсии. Почитай по тридцать годочков отбухали за романтику, – охотно поддержал Константин.

– Ну, что? Дойдёшь до дома сам, иль проводить? – поинтересовался Генчик у друга.

– Да, чё ж не дойду. Через Сибирь до дому дошёл. А, тут всего – то два лаптя по карте, – ответил уверенно Константин пожимая на прощание Геннадию руку.

– За Николкой сам съездишь, иль вдвоём смотаемся? – спросил Геннадий.

– Не. Сам съезжу. А то получится «трое вышли из лесу». Тады и детский праздник испортим. Не, один съезжу. Детскую мероприятию срывать нельзя. Я ведь, хомячков своих хочу привести. Ну, с Анюткой проще. Она с группой из детсада будет песенку петь, которую Николка – пароход написал. А вот Тимофея – то привести надо обязательно. Ему это в диковинку и в радость. Там ведь всякое будет. И концерт, и на асфальте рисовать, и стишки рассказывать. Ну и дед, само собой, на дудке играть будет. Это ж для него как фейерверк. Так что, до праздника, ни – ни, – закончил Константин и, ещё раз пожав Геннадию руку, попрощался: – Пока. До побачения. —

– Пока, – ответил Геннадий, и они расстались.

На следующий день, в кабинете атамана Хадыженского куреня собрались пятеро. Сам атаман Хадыженского казачьего общества, председатель казачьего совета стариков, командир казачьей дружины, главный бухгалтер и контролёр – кассир Хадыженского казачьего общества.

– Сегодня у нас два вопроса, которые необходимо решить сейчас, хотя хадыженский казачий круг уже принял решение накануне. Нам предстоит довести его до окончательного оформления, – начал атаман. – Первый, это вопрос, касающийся премирования лучших учеников Хадыженской казачьей школы. От каждого класса по одному лучшему ученику наградить денежной премией. Знаю – поглядел он на бухгалтера и контролёра кассира, – денег у нас не так много, но выделить на День защиты детей, сколько сможем, наш долг. Всего в Хадыженской казачьей школе одиннадцать классов, по одному лучшему в учёбе от каждого класса, итого одиннадцать учеников. Круг решил выделить каждому по сто пятьдесят рублей, значит, всего на премии выделяется 1650 рублей. Ну, а насчёт того сколько денег мы можем направить на приобретение подарков для выступающих на конкурсах и концерте, который состоится 1 июня в Хадыженском Доме Культуры, в честь Дня защиты детей, мы сейчас узнаем у наших финансистов. Лариса Ивановна – обратился он к симпатичной молодой женщине, – вы как главный бухгалтер, порауйте нас денежными вливаниями в это святое дело. —

Лариса Ивановна, очень скупулёзный и ответственный бухгалтер, раскрыла книгу бухгалтерского учёта и найдя в ней соответствующую графу, ответила:

– Всего свободных денежных средств, у нас на сегодняшний день шесть тысяч четыреста тридцать семь рублей, восемьдесят три копейки. Вот и решайте вы, все ли деньги направить на это детское мероприятие или оставить немного на непредвиденные расходы, ответила Лариса Ивановна подавая журнал бухучёта атаману на стол. —

Тот, внимательно просмотрел записи и убедившись, что всё с учётом в порядке, задумчиво постучал карандашом по столу и наконец, сказал: – Давайте, решим так: пять тысяч рублей направим на все награждения и премии, а тысячу шестьсот с «хвостиком» оставим в резерве. Мало ли, что. Может куда – то съездить надо будет, так хоть на бензин деньги останутся. Верно я говорю господи казаки? – обратился он к председателю казачьего совета стариков и начальнику казачьей дружины. Те согласно кивнули головами и сказали своё «да».

– Значит, так и поступим, подытожил атаман, – и обратившись к главному бухгалтеру добавил: – Лариса Ивановна будьте добры отдать распоряжение контролёру – кассиру Тамаре Давыдовне о выделении означенной суммы денег на проведение мероприятий в честь Дня защиты детей. —

Тамара Давыдовна, в годах, но ещё очень красивая женщина, выглядевшая намного моложе своих лет, улыбнулась, кивнула головой в знак согласия и шутливо добавила: – Слушаю и повинуюсь. —

– Вот и славно. А, теперь попрошу нас покинуть, – обратился он к женщинам, – поскольку нам предстоит сейчас решить ещё один весьма важный вопрос. —

Женщины поднялись и уже на самом выходе Тамара Давыдовна спросила: – Чаю вам поставить? —

– Да, будьте добры, – ответил атаман, и когда женщины вышли обратился к оставшимся в кабинете казакам.

– Итак, – начал он: – В нашей непростой нынешней обстановке на всём Северном Кавказе, задачи обеспечения безопасности в местах массового скопления людей, стоят на первом плане. В связи с этим, нам сейчас необходимо составить план рассредоточения казачьих нарядов у Хадыженского Дома Культуры, где соберётся как обычно много народа и особенно детей. Хадыженск, конечно далеко не Москва, но, тем не менее, люди и здесь люди, а дети наши ничем не отличаются от московских детей. Поэтому, сделать необходимо всё от нас зависящее, для того, чтобы какой – нибудь debil не вздумал напасть, даже ради озорства. А это зна-

чит, наряды казаков должны не таращить зенки на праздничное шоу, а внимательно наблюдать за людьми и их передвижениями. Работать казачьи наряды будут под руководством специально выделенных оперативных сотрудников, к которым они и будут прикреплены. Казачья форма обязательна. Списки казаков по казачьим нарядам, мне лично к завтрашнему утру, – обратился уже к начальнику казачьей дружины атаман: – А, что старики наши, казаки? – обратился он затем к председателю казачьего совета стариков.

– Ну. Ружей нам на себя ноне, не взнудывать, шашки тоже ни к чему, а те старики-казаки, что вполне в форме себя чувствуют, будут на празднике обязательно. Так порешил, совет стариков. Чем надо, подмогнём для поддержания порядка, – обнадёжил атамана председатель совета стариков.

– Ну, вот значит на этом, мы и закончим наше сегодняшнее заседание. А сейчас мне необходимо ехать в Апшеронское отделение Кубанского казачьего войска с изложением плана наших мероприятий в День защиты детей, – закончил атаман, и все поднялись, направляясь к выходу.

Уходя, атаман заглянул в кабинет к «финансистам» и сказал: – Лариса Ивановна, Тамара Давыдовна, подготовьте приказ в письменной форме о финансировании мероприятий в День защиты детей и оставьте его у меня на столе. Приеду из Апшеронска, подпишу. А, если кто меня будет искать, скажите, что я уехал в Апшеронск, в казачество, – и он, выйдя во двор, перекрестился на стоявшую рядом, во дворе церковь Святого Георгия Победоносца, поклонился куполам с крестом, сел в автомобиль и выехал со двора.

Спозаранку, ребятня вместе с бабой, Светой и Томой, уже сидели за кухонным столом попивая чай и заедая его свежеиспечёнными блинчиками. Особенно старался Тимка. Он, молча с закрытым ртом, пережёвывал очередную откусанную им латку блина. Запив небольшим глотком остуженного бабулей чая, он, также молча, вновь откусывал небольшой кусочек и вновь запивал его, очередным глотком, тараща на сестрёнку свои синие глазищи. Та, безостановочно балаболя с бабулей о хозяйственных делах, о курицах спящих во дворе, о собачке, которая всё время на цепи, потому что её нельзя отпускать, а то она съест всех курочек и уток, и индюков и вообще всех, всех сожрёт, потому что у неё большие зубы и большой хвост. И вообще, Пальма такая непослушная и поэтому её надо поколотить кочергой, как Бабу Ягу.

– Ну, зачем же колотить, – засмеялась бабуля: – она же не Баба Яга, она простая собачка, которая охраняет наш дом и нас всех. Тебя, меня, Тимку, маму твою, деда и всех наших курочек, и уток, —

– Да, – подхватила Анютка: – она хорошая и её нельзя бить кочергой, а Бабу Ягу можно, – убеждённо закончила девчушка и стала подниматься из – за стола: – Спасибо бабуля, я уже сытая, —

– На здоровье моя маленькая, – ответила баба Лена и глядя на молча слезающего со стула Тимку, добавила: – Возьми Тимочка ещё кусочек сыру и подите во двор поиграйтесь, а я деда покормлю, – закончила она взглянув на Константина входящего в кухню из спальни. Внучата кинулись к деду и тот подхватывая каждого по очереди, целовал их в щёчки и назидал с добрым утром.

Ребятня шмыгнула из кухни во двор, а дед пошёл умываться и приводить себя в порядок.

– Сегодня 1 июня. День защиты детей. Мы играем у Дома Культуры. Вы сами придёте или мне забрать ребятню? – как бы мимоходом поинтересовался Константин, присаживаясь к накрытому завтраком столу.

– Конечно сами – сказала Светлана – Тут идти недалеко, да и времени всего – то восемь утра, а праздник начнётся с одиннадцати часов. А тебе пап ко сколько надо быть в Доме Культуры? —

– Нам к десяти часам утра. Пока раздуемся, пока в концертную форму переоденемся, пока то да сё, рассядемся, ноты разложим, глядишь уже около одиннадцати и будет – закончил Константин, принимаясь за завтрак.

– Ну, вот. А мы к этому времени ребятишек искупаем в баньке, принарядим как следует и придём на праздник детей наших – распланировала Светлана и подсунула отцу тарелку с блинами.

– Тогда я, сейчас первым делом баньку вам стоплю, чтоб только искупаться. До «попариться» доводить её не буду. Сейчас лето и особенно прогревать баню нет смысла, – закончил дед: – Спасибо, лапонька моя за завтрак. Пошёл я дровишек поколоть. Да, заодно и за ребятишками пригляжу. —

Но, едва он направился к выходу, как во дворе раздался громкий плач внука и возгласы внучки.

Дед пулей вылетел во двор, а за ним следом Тома и Светлана с матерью.

– Что такое, что случилось? – нестройным хором, встревожено взглядывая то на внука, то на внучку воскликнули все четверо.

– У Тимки, – возбуждённо объяснила Анютка: – вон та курица, сыр отобрала. Подошла и цап царап, схватила из руки и убежала. Вон клюёт. —

– Сука такая, – со слезами на глазах взревел Тимка.

– Нельзя такие слова говорить, – недовольно укорила, мальца баба Лена. Но, тот не обращая никакого внимания на её упрёк, подавшись грудью вперёд, в сердцах воскликнул:

– Башку оторву. —

– Сука такая, – твёрдо добавила Анютка глянув на взрослых в полной уверенности, что те одобряют её поддержку братика.

– Нельзя так говорить, – воскликнула бабуля

– Вот видишь? – обратилась Анютка к Тимке, – баба говорит, что нельзя так говорить, а то прилетит Баба Яга, схватит тебя и утащит за широкие реки, за высокие горы, тёмные леса, будешь тогда знать —

– А, я.. А, я... А, я... – растерялся Тимка: – А, я... схвачу кочергу и ка – а – к её по башке о – хре – нячу, —

– Господи. Да, что ж это такое?! Что ж это за варвары живут в нашем доме?! – в смятении ухватив подмышку мальца подалась к дому баба Лена. А следом за ней и Светлана с Тамарой уводили со двора и от хохочущего деда, Анютку.

– Всё, всё. Пора этих варваров приобщать к человеческой культуре, – всё ещё в расстройстве бормотала баба Лена умывая Тимке холодной водой мордашку.

– А, ты внученька, – обратилась она к Тамаре: – возьми сумку, список покупок на столе, деньги и сходи в продуктовый за покупками. После праздника в Доме Культуры, посидим у себя дома, поспрадуем. Заодно не забудь, зайди в детский магазин купи что –нибудь ребятишкам на радость. —

Тома вышла во двор, где дед колол чурбаки для бани. Нарубив охапку и наложив дров на руку, он вошёл в баню, из трубы которой через пару минут, поначалу робко заструился голубой дымок, а затем и повалил густой, чёрный, от загоревшихся смоляных полешек, дым. Тома закрыла за собой калитку на внутреннюю шеколду и направилась по улице в сторону магазинов.

Набрав, в стоящий на железной печке бак, воды, Константин сполоснул полок, лавки и закрыв кран вышел, плотно затворив за собой дверь в парную. Выйдя во двор, он закурил и поглядел на банную трубу. Дым из неё валил плотный, вязкий, но уже меняющий свой цвет от чёрного к тёмно синему. Время было уже около девяти утра и пора было собираться на детский праздник.

– Где мои очки? – шарился по комнатам Геннадий в поисках очков, без которых он не видел нот во время игры и даже букв в книжке, когда хотел читать.

– А, ты дед с прошлой репетиции принёс их? – улыбаясь спросила его жена Людмила: – Пришёл кривой как казачья сабля, а теперь позавчерашний день ищешь. —

– Так, то ж я насморк лечил, – буркнул в задумчивости Геннадий, открывая футляр аккордеона и заглядывая внутрь.

– И, какой же это такой насморк в начале июня бывает? – лукаво спросила жена.

– Не, не насморк я лечил. Вспомнил. То, я давление сбрасывал. У меня, знаешь ли, опосля гипертензивного криза всё время давление надо сбрасывать, – отговаривался с миролюбием в голосе, Геннадий.

– И, какими дозами дедуля? – улыбаясь поинтересовалась внучка Тома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.